

Безумный Макс. Полковник Империи

Автор:

Михаил Ланцов

Безумный Макс. Полковник Империи

Михаил Алексеевич Ланцов

Безумный Макс #3Героическая фантастика

Лейтенант ВДВ Максим Баранов угодил на поля Первой мировой. Позади два года боевых действий... Безрассудные рейды по тылам противника, захваты городов и разгром целых вражеских дивизий – это уже совсем другая война... и другой мир!

Впрочем, до победы еще далеко! Ведь впереди 1916 год, который должен стать по-настоящему переломным. Командира самого победоносного полка «Безумного Макса» ждет чрезвычайно рискованная операция, буквально на грани сумасшествия. Сможет ли всего одна личность изменить ход истории? Или сломается и уступит, согнувшись под гнетом «объективных исторических процессов»?

Смотря какая личность! Полковник Русской императорской армии Максим Баранов уверен, что сумеет поставить убедительную точку в разгроме Германии и её союзников!

Михаил Ланцов

Безумный Макс. Полковник Империи

© Ланцов М.А., 2020

© ООО «Издательство «Яуза», 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Предисловие

Это была совсем другая Первая мировая война!

Наш современник провалился в прошлое – в самый разгар Танненбергского сражения – и доказал, что роль личности в истории абсолютна. Но не всякой и не везде, а лишь оказавшейся в нужное время и в нужном месте. Ну и ведущей себя как личность, а не как жалкая амеба.

Сколотив отряд из бродящих по лесам солдат-окруженцев, Максим покатался по тылам немцев в Восточной Пруссии, разрушив им всякое управление войсками. А тут и генерал Ренненкампф подсуетился, отрезав 8-ю армию Гинденбурга от крепости Кёнигсберг. И пошло-поехало.

Уже к концу осени 1914 года русские войска вышли к Одере практически на всём его протяжении, осадив ещё и Данциг. А немецкое наступление на Париж сорвалось в куда более масштабной форме, чем в оригинальной истории. Началось «неспешное» «выравнивание линии фронта». Да такое «медленное», что «германцу» удалось закрепиться только на реке Рейн.

Кампания 1914 года завершилась. Но бои шли не только на фронте. В результате ряда скандалов военный министр Сухомлинов оказался арестован на год раньше положенного срока. Его сменил Поливанов, вплотную занявшись вопросами снабжения армии[1 - Поливанов прекрасно справился с этой задачей всего за полгода с осени 1915-го по весну 1916 года в условиях фактической блокады (Турция перекрыла Чёрное море, Германия – Балтийское, а в Белом был лишь маленький порт Архангельск). В результате увеличился выпуск винтовок в 2 раза, пулемётов в 4 раза, патронов в 1,7 раза, орудий в 2 раза, снарядов более чем в 3 раза. Посредством модернизации казённых заводов и широкого привлечения частных мощностей. В этой ситуации было всё мягче, так как турки в войну вступили только в июне 1915 года.]. Кроме того, начала интенсивно

строиться железная дорога к новому городку Романов-на-Мурмане. Да и травля собственных подданных немецкого происхождения прекратилась, многократно облегчив напряжённость внутри России.

Наш же герой, имитируя частичную амнезию, попытался встроиться в местное общество. После определённой возни он получил статус сгинувшего на полях Второй Балканской войны бастарда светлейшего князя Меншикова-Корейши. Ведь похож же. В довесок к документам о происхождении ему дали и подходящие свидетельства об образовании. Ведь никак нельзя, чтобы боевой офицер со столь славными достижениями ходил неучем. По бумагам, во всяком случае.

И всё хорошо, но Максим не был бы собой, если бы не умудрился вляпаться в одну очень дурно пахнущую историю. Оказалось, что та медсестра, с ко-

торой он крутил роман в госпитале, не только от него понесла, но и оказалась дочерью Императора. И только чудо спасло его в той ситуации от пожизненной ссылки в почётную стражу к белым медведям. А точнее Татьяна. Это для него вся эта история была интрижкой с сексом в подсобке, а для неё – большой и чистой любовью. По-настоящему. И отец великой княжны позволил им сочетаться морганатическим браком: слишком уж высоко он ценил семейное счастье. Тем более что Максим не только славно воевал и помог разрешить кое-какие политические вопросы, но и приложил руку к облегчению положения его сына и наследника, подсказав способ борьбы с гемофилией, что ценилось Николаем II крайне высоко.

Кампания 1915 года получилась не менее напряжённой, чем в 1914 году. Немцы смогли склонить на свою сторону Италию и разыграли её вступление в войну очень хитро. В итоге французов спасло лишь чудо. То есть – Максим Иванович Меншиков со своим дерзким рейдом по германским тылам, создавшим тем самым благоприятные условия для русского наступления.

Порезвившись в Позене, он ушёл в Силезию. Поставив там всех на уши, он рванул лесами в Потсдам, где нанёс ночной визит в резиденцию Кайзера. Но тот своевременно спрятался в спальне супруги, через что и избежал пленения. А потом был рейд на Берлин – ведь весь столичный гарнизон был привлечён к облеву в некотором отдалении от города. То есть ловил нашего героя там, где его уже сутки как не было.

В тот день Меншиков взял Рейхсбанк, Генштаб, Рейхстаг и Цейхгауз. Вызволил из плена знамёна, весь золотой запас Германии, кучу налички и всю оперативную информацию по агентурным сетям Германии. Искупал сотрудников Генштаба в Шпрее, а потом ушёл на север, устремившись к датской границе. Надрывая последние силы, немцы её перекрыли. И он, вильнув хвостом, после Шверина ушёл на Штеттин, по пути уничтожив авиационный заводик и захватив кучу дефицитных авиадвигателей. В Штеттине он сел в круговую оборону, послав Ренненкампфу почтовых голубей с просьбой деблокировать. Ведь с востока этот крупный промышленный город держала полнокровная германская дивизия, выдвинутая за Одер. Ну и держался, пока не подойдут подкрепления, превратив Штеттин в облегчённую версию Сталинграда.

А в Российской империи продолжались новые хитросплетения интриг в военном руководстве. Ренненкампф плюнул на всё и деблокировал Максима вопреки прямому приказу Главнокомандующего. Риск? Да. Но именно он позволил Павлу Карловичу удержаться во главе Северного фронта и радикально укрепить свои позиции в войсках и обществе.

Прорыв Третьякова к Штеттину и выход на левый берег Одера поставил «шах» Берлину. Немцы спешно вывели две армии из Позена, куда им удалось с боем войти лишь в феврале. Образовался обширный разрыв между германским и австро-венгерским фронтами. Туда Ренненкампф и ввёл выжившую в Пруссии армию Самсонова. А та, опираясь на исправные железнодорожные пути и брошенный подвижной состав, уже в середине июля вошла в Чехию.

Немцы, опасаясь окружения своих войск в Силезии, отошли из неё, выйдя на север за реку Нейсе. А австро-венгры начали спешно отходить из Карпат ближе к Дунаю, опасаясь стратегического окружения, так как Вене Ренненкампф тоже поставил «шах».

Париж был снова спасён, как и Западный фронт, натурально трещавший по швам. Новая славная победа! Новый успех нашего героя, гремевшего на весь мир и снискавшего уважение среди как союзников, так и врагов.

Однако кампания 1915 года заглохла. Совершенно истощённые и измождённые армии всех сторон перешли к глухой обороне. Редкая дивизия имела хотя бы половину состава. Все начали окапываться, «включив» на год позже позиционную фазу этой войны. Зато как рьяно! С каким энтузиазмом!

В России же прошла чистка, странная и совершенно неожиданная для Российской империи тех лет. Ведь для Николая II жёсткие меры были всегда «слишком». А тут, испугавшись возможной гибели своей семьи, он решился на откровенные репрессии в отношении ряда высокопоставленных лиц. В ходе всех этих событий погибло даже пять великих князей: сам Ник Ник и все Владимировичи. Хотя, конечно, император хотел их иначе наказать. «Гуманнее». Посадив, например, пожиз-

ненно в дурдом с полным поражением в правах. Так же, как некогда наказали двоюродного брата Ник Ника.

Впрочем, война продолжалась. Первая мировая. Но совсем далёкая от того оригинального сценария, имевшего место в нашей истории. И её нужно было как-то заканчивать с максимальной выгодой для России... и главного героя. Как-то так сложилось, что альтруизмом и прочими тяжёлыми формами расстройства психики он не страдал...

Общая диспозиция этой ПМВ на 1916 год

Летом 1914 года рейд Максима сорвал оборонительную операцию немцев в Восточной Пруссии, позволив Северному фронту занять обе Пруссии, заблокировав Кёнигсберг с Данцигом. Также был временно занят Позен, который в феврале 1915 года немцы отбили. Итогом летней кампании стало смещение военного министра и командующего Северным фронтом. Ренненкампф же был не только не отстранён от командования, но и повышен до положения командующего Северным фронтом. Ну и в качестве приятного бонуса – армия Самсонова оказалась спасена, как и сам генерал.

На Западном фронте события развивались по более негативному сценарию. «Чуда на Марне» не произошло. Однако дерзкий рейд Максима и оперативная реакция на него со стороны Ренненкампфа сорвали немцам всю лет-

нюю кампанию на Западе. Спасая Берлин, они спешно начали отступать, попав под контрудары французской армии, что привело к откату армии Германии до Рейна.

Дела на русско-австрийском фронте проходили примерно так же, как и в реальности. Чудовищные потери с обеих сторон и некоторое продвижение войск РИА вперёд.

Весной 1915 года благодаря десантной операции РИФ под руководством фон Эссена и Колчака, лично возглавившего десант, был взят Пиллау и окончательно заблокирован Кёнигсберг. Взятие Пиллау позволило подвести к Кёнигсбергу канонерские лодки, при поддержке которых город-крепость оказался захвачен в самые сжатые сроки. Это высвободило довольно большую армию, скованную осадой, и открыло новые оперативные возможности для Северного фронта Российской империи.

В начале лета 1915 года произошло важное событие. В войну на стороне Германии вступили Османская империя и Итальянское королевство. Османы, держа на Кавказе оборону, предприняли массированное наступление к Суэцкому каналу, стремясь его захватить и перерезать снабжение англичан и французов. Что стянуло на себя массу колониальных дивизий англичан и кое-какие силы французов. После того как французы увели в Египет все свои свободные силы, дабы хоть как-то там стабилизировать положение, в войну вступили итальянцы. Они преследовали свои вполне конкретные территориальные интересы, а имен-

но претензии на Прованс, Корсику и Тунис. Благодаря грамотно разыгранной комбинации произошёл довольно лёгкий прорыв австро-итальянских войск на северо-запад со взятием Марсея и выходом в Лангедок и долину Роны.

Чтобы заткнуть дыру на юге, французы начали снимать войска с германского фронта. Это позволило стабилизировать ситуацию. Всё-таки вояки из тех и других не очень. Но тут, улучив момент, начали наступления немцы. Кроме очень удачного момента, они попытались повторить успех Максима и отправили эрзац-рейд на грузовиках. Он хоть и не достиг намеченных целей, но полностью парализовал управление французскими войсками. Что позволило немцам вновь выиграть приграничное сражение и начать наступать вглубь Франции. В этот раз – осторожно и аккуратно, без слишком резких манёвров. Однако эта неспешность не помешала сомкнуть германский и итало-австрийский фронты во Франции, полностью отрезав Францию от Швейцарии. Фронт относительно стабилизировался, пройдя изогнутой кривой по Пикардии, Шампани, Франш-Конте, Роне и Лангедоку. Судьба Франции вновь повисла на волоске. Поэтому Максим предпринял новый рейд. Прошёл через Позен, Силезию, Бранденбург и Померанию. Поднял знамя империи над Рейхстагом, ограбил Рейхсбанк, вывезя

из него золото на грузовиках, едва не взял в плен Кайзера, уничтожил авиазавод и засел в Штеттине. В общем – пошалил на славу.

Своевременный удар Третьякова, отправленного Ренненкампом, позволил деблокировать Меншикова в Штеттине с востока и обеспечил выход русских войск в Померанию с созданием угрозы Бранденбургу и непосредственно Берлину. Проход войск РИА за Одер создал критическую ситуацию для германской группировки в Позене. Её спешно начали выводить из стратегического окружения, так как единственный мост, по которому шло её снабжение, находился слишком близко к войскам РИА. Кроме того, Германской империи требовалось парировать прорыв России в Померанию, а единственным быстрым источником резервов являлась эта группировка из двух армий в Позене.

Этот отход образовал довольно большой разрыв боевых порядков между германскими и австро-венгерскими войсками. Что позволило Ренненкампу предпринять наступление армией Самсонова вдоль железной дороги прямо в Чехию, которую не прикрывали никакие войска. Что, в свою очередь, вынудило сильно ослабленных немцев отойти из Силезии, опасаясь стратегического окружения уже там. Австро-Венгрия же спешно снимала войска с Восточного фронта для прикрытия границы с Чехией, откуда открывалась прямая дорога на Вену.

Несмотря на масштабность и монументальность происходящих событий, все участники этой войны оказались к концу 1915 года истощены до крайности. Большая часть дивизий по обе стороны фронтов насчитывала едва половину личного состава, а то и меньше. Эта общая слабость и привела к тому, что все участники конфликта стали спешно зарываться в траншеи и готовиться к глухой обороне от превосходящих сил противника. Позиционная стадия войны началась существенно позже, но с ярым энтузиазмом!

Первая мировая война продолжалась. И германское командование, несмотря на довольно непростую обстановку, не теряло оптимизма, готовя новое наступление во Франции. Ведь её, казалось, оставалось лишь дожать. Сил к сопротивлению у неё почти не оставалось. Тяжёлая, но решительная победа маячила в не такой отдалённой перспективе. А Россия? После падения Франции ей не хватит сил для борьбы с Германо-Австро-Итало-Османской коалицией. Даже такой ослабленной. Положение Великобритании также висело в воздухе. Вплоть до сепаратного мира. На суше она не представляла угрозы, а в море с

ней воевать было нечем уже Центральным державам.

Пролог

1916 год, 11 апреля, Гатчина, закрытый полигон № 3 бис

Ооец в бесформенном пятнистом камуфляже совершил короткий рывок и упал за небольшим навалом битого кирпича. Рядом с ним «приземлился» ручной пулемёт.

Пару секунд спустя рядом рухнул второй номер, что тащил компактные жестяные коробки с коробчатыми магазинами. Этот вариант Льюиса был доработан[2 - Подробнее о доработанном пулемёте Льюиса можно почитать в приложении (лёгкий ручной пулемёт ЛРП-2).] для питания из коробчатых магазинов, устанавливаемых вертикально.

Ещё пауза. И к ним присоединился третий.

Затишье.

Кратковременно выглянув из-за импровизированного бруствера, один из бойцов срисовал обстановку и нырнул обратно. За битые кирпичи.

Небольшая возня. И боец выставил пулемёт на треноге. Мгновение. И короткая очередь из пары выстрелов улетает в наиболее опасно выглядящее окно. Потом в другое. В третье. И по новой.

А тем временем ещё трое бойцов в таком же бесформенном камуфляже, пригнувшись, ринулись вперёд. Пока огонь на подавление не позволял противнику высунуться из окна для «горячей» встречи. Пробежка рывком. И вот они уже у стены. Прижались. Двое взяли на прицел наиболее опасно выглядящие окна с противоположной стороны. А третий, осторожно подобравшись к первому простреливаемому окну, достал гранату, открыл колпачок на длинной деревянной ручке, резко дёрнул за шнурок и швырнул её внутрь.

Бах! Ухнуло внутри.

А бойцы уже продвигались ко второму окну, где поступили по тому же сценарию. Бах! Вновь гулко раздалось в помещении. И если бы там были стёкла, они бы, безусловно, вылетели. Пулемётчик же уже сместился и открыл огонь на подавление по окнам противоположной стороны, поддерживая стрелков второго звена.

Третья троица тем временем, совершив решительный рывок, достигла первого окна. Один боец встал на колени и принял на «замок» правую ногу второго. Раз. И тот легко заскочил в окно. Спрыгнул на пол и быстрым приставным шагом сместился вбок. Мог и кувырком, но на полу было много битого кирпича и прочего твёрдого острого мусора, так что кувырки на такой поверхности могли закончиться тяжёлыми травмами.

Секунду спустя в окно заскочил второй боец третьей тройки. Что позволило первому сме-

ститься и взять на прицел выход из помещения в смежную комнату. А второму, уперевшись в подоконник, выдернуть с улицы третьего...

Максим щёлкнул секундомером и недовольно скривился. Долго. Слишком долго. Ребята всё ещё слишком неуверенно двигались. Хотя по слаженности и выучке могли бы дать фору любым войскам этой войны... Первой мировой войны...

– Недурно, – вполне удовлетворённым тоном отметил стоящий рядом генерал Ренненкампф.

– Бросьте, – фыркнул Максим. – Весьма посредственный результат. Двигаются как беременные утки. – Он был крайне раздосадован. Задачи, которые перед ним поставили, скоро нужно было как-то решать, а его люди были всё ещё совершенно не готовы. И не только люди. Но это по его мнению. Командование же думало совсем иначе...

– Смеею не согласиться с вами, – возразил генерал. – Очень недурно. У вас все так могут?

- Только штурмовые группы. Я в них отбирал всех, кто показывает лучшие результаты по полку. Самые лучшие по боевой, физической и тактической подготовке. И всё равно... плохо... им бы ещё годик-другой позаниматься.

- Вы прекрасно понимаете, что у нас нет ни годика, ни полгодика.

- Понимаю, - мрачно кивнул Максим.

Эта война уже всех утомила, и её нужно было как-то заканчивать. Хуже того - заканчивать победой. Ведь то, как всю Европу раскорячило в текущий момент, позволяет надеяться только на ничью. А такой исход никого не устроит. Нужно побеждать. Любой ценой. И как можно скорее, так как экономика задышалась не только у России, но и у Франции с Великобританией. И в этой кампании ставка Верховного Главнокомандующего - в отличие от 1914 и 1915 годов - ставила (простите за тавтологию) на него и его лейб-гвардии полк. Полк, всего лишь полк, который должен был решить исход войны...

Часть 1. Плясовая

- Мне нужна твоя одежда, ботинки и мотоцикл.

- Ты забыл сказать «пожалуйста».

Терминатор, байкер

Глава 1

1916 год, 13 апреля, Петроград

Максим прошёл к себе в кабинет и усталосел в кресло. Тяжело стало жить. Сложнее. Бегать по полям и стрелять было как-то проще и понятнее...

Император дал ему под руку целый лейб-гвардии полк и карт-бланш на всё, что он пожелает для его подготовки к новой кампании. Что угодно. Хоть слонов из Индии выписывай. Главное – чтобы к началу кампании 1916 года был готов полноценный механизированный полк, о котором Максим имел глупость по пьяни долго и с увлечением болтать. Да, в приватной обстановке. Но кому надо – услышали. И дальше пошло-поехало. Кто-то вдохновился и попытался поспособствовать без всякой задней мысли. А кто-то и из зависти, обиженный на «бастарда и выскочку», постарался загнать нашего героя в угол и подставить, рассчитывая на то, что за столь незначительное время подготовить такое совершенно невозможно.

Лейб-гвардии полком не должно было командовать полковнику, каковым числился Максим. Но в этом случае сделали исключение по особому распоряжению монарха. Поставили в статус исполняющего обязанности, авансом, так сказать. Ему вообще очень многое дали авансом, большие надежды возложив. Очень уж после рейда 1915 года размечтались.

Поначалу-то наш герой обрадовался и развернулся во всю свою молодецкую ширь и дурь. Организовал отбор по полкам, батареям да эскадронам Российской Императорской армии себе в штат. На конкурсной основе. Конкурс был – жуть! Слава-то у него вон какая. Казалось бы – радуйся. В кратчайшие сроки смог укомплектовать штат полка наиболее подходящим контингентом. А люди – главное всегда и везде. Но, увы, на этом проблемы только начинались...

Так, отправив в очередной раз водителя на своём Rolls-Royce в качестве курьера, свежеепечённый Великий князь столкнулся с суровой материей грубой реальности. На транспортное средство напали неизвестные. Как сообщили свидетели, некий мужчина выбежал из переулка с кофром в руке и метнул его в авто, временно заблокированное подводой какого-то нерадивого извозчика.

Взрыв получился очень серьёзным. Убило и нападающего, и извозчика, и водителя. Да и Rolls-

Royce хоть и был бронирован, но котельным железом и частично, а потому оказался не готов к таким издевательствам. Так что повредило его знатно.

– Любопытная история... – задумчиво произнёс Меншиков, вышагивая по просторной комнате Елагина дворца, подаренного ему под резиденцию. Он

отпустил представителя полиции, прибывшего с докладом, и несколько минут размышлял в полной тишине, пока не разродился бессмысленной фразой.

- Ты находишь? – поинтересовалась супруга удивительно скептическим тоном.

- Очень странное покушение. Мне совершенно не понятно, кто мог его организовать. И главное – зачем. Все действия должны иметь какую-то цель. Кому-то это должно быть выгодно. И очень выгодно, раз кто-то решился так подставиться.

- Так ответственность за твоё убийство взяли эсеры. Ещё до того, как узнали, что тебя в автомобиле не было.

- Да ну, – отмахнулся Максим. – Это очень смешно.

- Почему же?

- Ответственность на себя взяли не столько эсеры, сколько никому не известные маргиналы от их партии. Не уверен, что они действительно в ней состоят. Более того, считаю, что вскоре партийные лидеры выступят с их осуждением. Дескать, это всё провокаторы.

- Ты думаешь? Отец и многие другие вполне удовлетворятся их признанием.

- Уверен. Покушение на меня для этой партии крайне невыгодно. Во всяком случае – сейчас. Кроме радости небольшой кучки городских сумасшедших, им нужна поддержка и широких масс обычных пейзажистов. А нападение на меня – лучший способ её лишиться. Поэтому они будут выкручиваться, даже если это их рук дело. Да, эсеры – марионетки, но не до такой степени.

- Марионетки? – удивилась супруга. – Мне казалось, что они ведут свою игру, заключая разные тактические союзы и действуя от конъюнктуры.

- Эсеры – не самостоятельные игроки. Да они бы и не смогли выжить без поддержки более влиятельных персон. Их бы давно уже нашли и перевешали на осинках. Или перестреляли. Да, среди них хватает убеждённых дурачков-идеалистов, которых используют втёмную. Например, метатель бомбы. Но это

расходный материал. Их даже за людей не держат. Так – пригоршня дешёвого ресурса, которому вешают лапшу на уши. Всё руководство явно не из таких балбесов. Они делают свой бизнес, если так можно выразиться. Зарабатывают деньги и своё будущее, готовя возможные площадки для того, чтобы с комфортом усадить свои задницы у большой кормушки. Не просто так, разумеется. Ты не думай, они нормальные люди, не психи.

– Нормальные?! Ты слишком хорошего о них мнения. Заниматься такими вещами нормальные не станут.

– Милая, каждая политическая партия или группировка традиционно стремится убедить всех вокруг в том, что именно её способ ограбления народа самый справедливый. И они ничем не хуже и не лучше других. Методы, правда, дикие. Популизм и террор – гремучая и удивительно мерзкая смесь. Но они далеко не первые, кто такую связку применяет. И, думаю, не последние. Впрочем, не суть. Мы отвлеклись. Что мы видим в сухом остатке? Только то, что покушение неплохо подготовили. Нашли даже способ остановить автомобиль в нужном месте. Раз. Одним взрывом избавились от всех возможных свидетелей. Два. Я уверен, что извозчик тоже был замешан, из-за чего и заряд в кофр положили слишком мощный. Чтобы точно никто не выжил.

– Учили прошлый опыт? – задумчиво выгнув бровь, поинтересовалась супруга. – Думаешь, что за этим покушением и тем, на набережной, стоят одни и те же люди?

– Скорее всего... – произнёс Максим и замолчал, задумавшись.

Ситуация была весьма и весьма странной. После всех тех дел, что Меншиков наворотил, репутация у него в Российской империи стала просто невероятная. Он оказался настоящим героем для всех слоёв общества.

Простые люди восторгались его военными успехами, находившимися за гранью любых – даже самых смелых – ожиданий. Настоящей сказкой наяву. Очень показателен в этом плане,

например, эпизод с Потсдамом. Вломился посреди войны в резиденцию к Кайзеру, испил кофе с его супругой и в расстроенных чувствах поехал брать Берлин. Почему расстроенных? Так Кайзера дома не застал. Ехал-ехал. Хотел

выразить, как говорится, от благодарных зрителей чего-нибудь. А тот взял и делся куда-то... Под кроватью прятался, не иначе.

На невероятную военную удачу накладывалась ещё и забота о своих людях. Всех. Даже простых солдатах. Что подняло рейтинги Максима в глазах крестьян и рабочих просто в стратосферу.

Аристократов больше поразило то, как ловко Меншиков сделал себе карьеру. А в довесок к ней шла безжалостная – но от того не менее изящная – расправа с самыми высокопоставленными врагами – великими князьями. Ещё год назад они проходили по категории почти небожителей, которым было можно всё. Абсолютно всё. Вон, даже во время Русско-японской войны один из таких родственничков императора догадался в главнокомандующего стрелять из пистолета, когда тот пытался его осадить. Без всяких для себя последствий. А тут раз. И на нож. Да как? Вся эта резня свершилась не руками Меншикова. Он остался чистенький. Ну да, достал опасные бумажки. Но дальше-то он уже не участвовал... дальше уже другие... а он только томно вздыхал и осуждающе глядел на этот жестокий мир...

Купцы, промышленники и прочие деятели финансового фронта тоже не остались без впечатлений. До лета 1915 года самым богатым челове-

ком[3 - Это не опечатка. Николай Второв, по версии Форбс, был обладателем самого большого состояния в России начала XX века. Для сравнения: по оценке большинства историков, вся Августейшая фамилия имела собственных средств на сумму от 12 до 15 миллионов рублей. Без учёта дворцовых комплексов, де-юре принадлежащих империи. То есть Николай Второв был где-то раз в пять богаче всей Августейшей фамилии вместе взятой, не говоря уже лично об Императоре – Николае Втором.] Российской империи был Николай Второв, чьё состояние оценивалось в чуть более 60 миллионов рублей. А у юного Меншикова внезапно оказался 81 миллион. Из них 54 приходились на ювелирные изделия, а 23 миллиона стоила недвижимость, находящаяся по большей части в Штеттине[4 - Елагин дворец был выдан Максиму и его супруге для проживания, но всё ещё оставался на балансе империи.]. Только тут имел место подвох, хорошо известный всем заинтересованным лицам. Ювелирные изделия были оценены как лом – то есть существенно ниже реальных цен. А недвижимость считалась по стоимости сделок, которые Меншиков заключал за 1/2, 1/4 и даже 1/8 от реальной цены. Так что настоящее его состояние оценивали в районе 150 миллионов...

Как император вообще позволил своему зятю оставить так много денег? Опять не секрет. Максим ведь вывез из Берлина золота на 94 миллиона рублей и облигаций государственного займа на неполный миллиард. Причём облигаций не Германии, а Франции, Великобритании и США, что позволило России путём взаимозачёта сократить государственный долг самым кардинальным образом.

Всё это в совокупности выглядело настолько поразительно, что открыто и без всякого стеснения в кулуарах стали говорить, будто сам дух Александра Даниловича помогает своему далёкому потомку. Самые же экзальтированные мистики так и вообще болтали о том, будто в Максиме Ивановиче возродился «полудержавный властелин» самолично. И склоняли это по-разному. От природного рождения в формате реинкарнации до вселения духа сподвижника Петра I в обмякшее тело парня после того, как сильнейшая контузия выбила из него всякое сознание и остатки жизни. Дескать, Александр Данилович спасал последнего мужчину в своём роду и, обходя запреты, смог договориться с самим Всевышним. Ну а как иначе? Он ведь всегда умел договариваться. Так что все известные медиумы, после спиритических сеансов, начали подтверждать подобные теории, чтобы погреться в лучах славы юного Меншикова...

С «возрождением предка» связывали и невероятную лихую – прямо-таки искромётную – храбрость, демонстрируемую Максимом. Ведь, как известно, Пётр ценил своего «Алексашку» в том числе и за храбрость. Если надо – тот первым со шпагой в руке лез на крепостную стену или вёл в решительную атаку кавалерию в самый безнадежный момент.

А выходка с купанием Генерального штаба в Шпрее? Вполне в стиле одного из главных балагуров «Всешутейшего, всепьянейшего и сумасброднейшего собора». Да и страсть к роскоши у парня имела немалая. Чего уж тут скрывать? Ни Максим Иванович, ни Александр Данилович аскетами не были. Взорванный террористами автомобиль был единственный на весь Петроград бронированный Rolls-Royce Silver Ghost с особой отделкой.

В общем – слухов ходило много и разных. Но, так или иначе, Меншиков во всех значимых слоях общества был на слуху и, безусловно, в позитивной окраске. Везде его ценили по-своему, но высоко. Так что прямая атака на него со стороны любой политической организации была бы сродни самоубийству. Политическому. Если, конечно, она хотела иметь поддержку в широких слоях общества, а не стремилась к положению всеми порицаемых изгоев.

– Может, это Кайзер? – после долгой паузы спросила Татьяна Николаевна, нарушая задумчивую тишину. – Ты ведь столько проблем ему создал. Сломал всю войну. Да и средства, вывезенные тобой из Рейхсбанка, благодушия ему не добавляют. Сколько там было на самом деле?

– На самом деле? – хитро прищурившись, переспросил Максим.

– Ой... ну только не нужно мне говорить, что ты сдал отцу всё.

– Ценные бумаги и золото я сдал все.

– Серьёзно? – очень скептическим тоном переспросила супруга.

– Я бы и наличные марки сдал, но они, увы, к тому времени закончились... – с наигранной печалью произнёс Максим.

– Вот как? – улынулась жена понимающе. – И сколько их было?

– Семьсот миллионов марок[5 - Курс рубля к марке 1 к 2,16. То есть 700 миллионов марок – это 324 миллиона рублей.]... кажется.

– Кажется?

– Я их мешками считал. Плюс-минус десять-двадцать миллионов, – небрежно махнул рукой Максим. – Я брал только купюры от ста марок и выше. Банкноты в тысячу марок там тоже встречались.

– Куда же ты их дел? – ахнула она. – Кроме тех, разумеется, что потратил на покупку предприятий, недвижимости и выплаты рабочим.

– Когда Третьяков смог пробиться в Штеттин и фронт стал неустойчивым, я нанял некоторое количество людей и отправил их с поручениями в Германию. Дескать, они бегут от варварского русского режима. Благо, что германские юристы и нотариусы всё ещё оставались на территории города, и мы смогли всё чин по чину оформить.

– И что они должны были сделать? – оживившись, подалась вперёд супруга.

– Выйти на официальные представительства банков Голландии, Дании, Норвегии и Швеции, действующих в Германии, и, пользуясь выданной им доверенностью, открыть на меня там счета.

– Счета?!

– Счета, – кивнул муж. – Причём в национальной валюте. Марки-то мне без надобности. Они уже сейчас уверенно теряют в рыночной цене. После войны же так и вообще превратятся в фантики. Три четверти от выданных сумм они должны положить мне на счёт, остальные забрать в качестве платы.

– И много их доехало?

– Из двухсот пятидесяти шести человек, отправленных с поручением, цели достигли сто двадцать три. Остальные либо где-то заблудились, либо ограблены, либо решили меня обокрасть. Но договора-то у меня на руках, так что после войны займёмся ими. Они обязательно где-нибудь всплывут.

– Хм... И сколько накопилось денег у тебя на счетах в Голландии, Дании, Норвегии и Швеции? – спросила, расплывшись в улыбке, Татьяна.

– В пересчёте на рубли?

– Да.

– Пока сто девяносто три миллиона. Немного. Но...

– Немного?! – ахнув, переспросила супруга.

– Я рассчитывал на большее... – начал оправдываться Максим. Но жена его уже не слушала. Она зашлась смехом. Искренним. Безудержным. Со слезами, выступившими на глазах.

– Что-то не так? – спросил он после того, как острая фаза приступа закончилась.

– Я так и знала! – сквозь хохот, давясь, воскликнула она. – Я даже держала пари!

– С кем?!

– С мамой!

– Да? И о чём же пари?

– Мама считала, что у тебя просто не было никакой возможности укрыть значимую часть тро-

феев. Так что ты сдал всё, что не успел потратить. Я же предполагала, что ты ещё хотя бы десять миллионов где-то «прикопал». А получается, что ты спрятал денег намного больше, чем получил в долю от трофеев! – воскликнула Татьяна и вновь зашлась смехом.

– Кхм, – кашлянул Максим. – Так, может быть, не будем расстраивать маму? Пусть она выиграет пари.

– Да пустое, – отмахнулась Татьяна. – Ничего страшного с того, что она узнает, не будет. М-да... – отсмеявшись, произнесла супруга, посерьёзнев. – Значит, это точно дядюшка.

– Не думаю. Немцы не стали бы так поступать. Слишком глупо. Слишком непрофессионально.

– Ты забываешь о том, что всю свою агентуру у нас дядя потерял. Так что действовать он может, только нанимая кого-то. Почему не эсеры? Социал-демократы разного толка имеют довольно крепкие позиции в Германии. Хорошие каналы связи. Возможность через ту же Швецию передать всё, что необходимо, включая специалистов и оборудование.

– Да. Но для эсеров это политическое самоубийство.

– Для партии – да. А для небольшой кучки исполнителей? Сделали. Получили гонорар. И исчезли в джунглях Парагвая. Сам же так говорил. Ведь так?

– Верно, – неохотно кивнул Максим. Логика в словах супруги имелась, но ему казалось такое решение слишком простым. И этот скепсис не укрылся от взгляда жены.

– Тебя что-то смущает?

– Всё выглядит так, словно эсеров хотели подставить. Эсеры, как и прочие социалисты, очень полезные вредные элементы в любом обществе. Они прекрасно ершат тылы. Подставлять их немцам не нужно – скорее наоборот. Они подрывают стабильность и благополучие в России, срывают бизнес-процессы, нарушают работу предприятий и мутят воду в народе, повышая градус социальной напряжённости своими идеалистическими бреднями, террором и ура-популизмом – а значит, предельно полезны для Германии. Так что выглядит всё так, при некотором приближении, что кто-то хочет и эсеров подставить, и немцев. Скопом. Словно кто-то пытается увести расследование по ложному следу. Простому, очевидному, лёгкому, но неверному.

– Но кто?

– Вопрос. Большой вопрос...

Беседа продолжалась ещё довольно долго и не принесла никакого положительного результата. Совместными усилиями Максим и Татьяна не пришли к выводу о том, кому выгодно его убить. Разумеется, из числа тех, кто может. Так-то желающих, безусловно, хватало. И чем больше они думали, тем сильнее приходили к выводу, что ничего не понимают. Это пугало. Это напрягало. Но прятаться до окончания расследования Меншиков не видел смысла. Покушение хоть и недурно организовано, но слишком по-дилетантски испол-

нено. А значит, если придерживаться здравомыслия и постоянно совершать «противоторпедный манёвр», можно не сильно переживать за жизнь и здоровье. Тем более что месяца через полтора-два ему придётся отправляться совершать очередное чудо. И чем дольше он сидит по углам, тем меньше шансов на успех.

1916 год, 7 мая. Штормград[6 - Максим переименовал Штеттин в Штормград, так как ему не понравилось неблагозвучное название города. Тем более что название этимологически восходило к древнему славянскому названию репейника и выглядело ещё неудачнее. Вот он и сделал себе приятно, переименовав столицу собственного Великого княжества.]

Тихо и без привлечения лишнего внимания в Штормград был скрытно переброшен особый лейб-гвардии Механизированный полк со всей своей материальной частью. Скрытно. Благо, что и людей, и имущества в полку было не так чтобы и сильно много. Вот и завозили частями и по ночам. Разгружали и сразу распихивали по углам, дабы не допускать открыто наблюдаемой концентрации.

Последним прибыл сам Меншиков. Вроде как по хозяйственным делам. С супругой, что примечательно. Та после прибытия на вокзал сразу отправилась в замок, а он задержался. Формально – чтобы пообщаться с руководством железнодорожной станции о делах логистических и организационных. Всё-таки важный прифронтовой железнодорожный узел. Фактически же для беседы с командующим Северным фронтом – Ренненкампом – в приватной обстановке. Он также находился в Штормграде – инспектировал верфи, где строились десантные боты и бронированные катера для нужд фронта. Им давно требовалось пообщаться. Приватно. Не привлекая внимания и лишних ушей, каковых вокруг них постоянно крутилось великое множество. Вот и воспользовались моментом.

– Ну и кашу мы с вами заварили, – усмехнувшись, произнёс Ренненкампф, вроде как здороваясь.

– Согласен. Мне тоже больше нравится рагу. Каши слишком пресные. Но что было под рукой, то и заварил.

– Ха! Занятно. Вы разве не знаете, что с лёгкой руки Алексея Алексеевича между Юго-Западным и Северным фронтами началось негласное противостояние.

– ЧЕГО?! – ошалело воскликнул Меншиков.

– Успокойтесь, Максим Иванович, – усмехнувшись, махнул рукой Ренненкампф. – Что вы, право дело? К этому давно шло. Вот – прорвало. Вашими стараниями, к слову.

– Поясните? Какое такое может быть противостояние в разгар войны?

– Вы, я полагаю, знаете, что в Генеральном штабе последние несколько десятилетий доминирует учение генерала Драгомирова. В каких-то отдельных аспектах оно даже интересно. Но очень небольших. Хуже того. Все попытки хоть как-то изменить положение вещей наткнулись на глухое противодействие достаточно значимой и представительной группы генералов. Да и часть великих князей в том немало способствовали.

– Это мне известно, – кивнул Максим.

– Все переменял ваш рейд в Восточной Пруссии. Сухомлинова ведь сняли не просто так. После того как ваш журнал боевых действий стал достоянием общественности, начались волнения умов. Он лёг на очень благодатную почву. С одной стороны, в армии хватало людей, недовольных текущим положением дел. С другой – великий князь Николай Николаевич младший был обижен на Сухомлинова из-за того, что тот постоянно вмешивался в его дела.

– Его сделали обычным козлом отпущения, – кивнул Меншиков.

– Да, – кивнул Павел Карлович. – И громче всех требовали расправы те, кто сами же и участвовали в делах, вменённых Владимиру Александровичу в вину. Сняли его. Заменяли. Но на этом ничего не закончилось. Лавина уже начала сходить. Все те, кому раньше затыкали рот, стали открыто высказывать своё мнение. Ведь вон – сам Главнокомандующий их поддерживает. Но это всё оставалось на уровне дискуссий. Опасных, острых, но дискуссий. А потом вы отправились во второй рейд...

– После которого прошла чистка, – задумчиво отметил Максим Иванович.

– Именно. И по странному стечению обстоятельств под удар попали многие рьяные сторонники доктрины Драгомирова. Это привело к тому, что силы уравнились. И стали... Хм. Как бы точнее выразить? Собираются вокруг двух центров.

- Поляризоваться, – не думая, брякнул Меншиков.

- Что, простите?

- Этот процесс называется «поляризация».

- Хм. Пусть так, – немного удивлённо глянув на своего визави, Ренненкампф продолжил: – Штаб Северного фронта оказался центром так называемой «молодой школы», а Юго-Западного – «старой». После того как начались переводы и ротации, я постарался взять это всё под свой контроль. Связался с Брусиловым. Но понимания не нашёл. Он не видел в том проблемы.

- Говорили с Ивановым?

- Да. Но всё так же – безрезультатно.

- Предсказуемо, – горько усмехнулся Максим. – В чём выражается это противостояние?

- Первым звоночком стало поведение Алексея Алексеевича при моём наступлении в Чехии. Он ведь специально затянул с помощью. Ему даже наступать не требовалось. Просто связать австрийцев боями. Усилия минимальные. Но он этого делать не стал. И они смогли отойти в полном порядке, сохранив тяжёлое вооружение. Я доложил об этом императору, но...

- Он ничего сделать и не сможет, – перебил Ренненкампфа Меншиков.

- Почему?

- Павел Карлович. А что ОН может сделать? Вот серьёзно? Погрозить Брусилову пальчиком? М-да. Как не вовремя всё это. Разведка ничего не показала интересного?

- Нет, – покачал головой генерал.

А Максим Иванович призадумался. О «Брусилловском прорыве» слышали, наверное, все. Его традиционно считают самым значимым успехом русского оружия в годы Первой мировой войны. Но всё, как обычно, оказалось не так однозначно.

Алексей Алексеевич Брусиллов был самым типичным генералом-февралистом. То есть противником империи и сторонником республиканских, революционных преобразований. Он оказался одним из тех столпов, на которых стояла Февральская революция. Без его деятельной поддержки её бы просто не получилось. Да и с «Октябрём» он оказался на короткой ноге. Например, в 1919 году его сын добровольно вступил в РККА, получив под свою руку целый полк[7 - Алексей Алексеевич Брусиллов-младший прокомандовал полком РККА недолго. Попал в плен к «дроздовцам» и был повешен.]. Сразу. Вот так взять и дать генеральскому сыночку целый полк? Странно, но ладно. Однако в 1920 году отец последовал за отпрыском. И не просто так, а начав активно агитировать офицеров вступить в РККА. Именно он выступил с печально известным воззванием к офицерам армии барона Врангеля. Им было обещано, что тем, кто сдастся добровольно, будет дарована жизнь и свобода. Некоторые пове-

рили авторитету военачальника и сдались. Почти всех их казнили без суда и следствия...

Тот ещё субчик.

Почему он так поступал? Сложно сказать. Правление Николая II отличалось не самой здоровой внешней и внутренней политикой. Был ли Брусиллов чем-то недоволен или стремился к какой-то личной выгоде? Неизвестно. Но факт есть факт. Предал. Его телеграмма с поддержкой отречения стала очень тяжёлым ударом для императора. Она показала, что монарх не может опереться для подавления бунта на войска самого сильного и значимого Юго-Западного фронта. Конечно, Брусиллов был не единственным в партии изменников. Но поддержки он императора в тот момент – всей той кровавой каши могло и не закрутиться. По сути он выступил соломинкой, сломавшей хребет верблюду.

Максим искренне надеялся, что изменение узора войны как-то поменяло ситуацию с Алексеем Алексеевичем. Но нет. Его гнилая натура просто проявилась иначе. Главная же беда заключалась в том, что понять мотивации Брусиллова Меншиков не мог. Подставлялся же. Очевидно подставлялся. Или, может быть, в этом и заключалась его работа? На кого, кстати?

Особняком стоял вопрос собственно военных успехов Брусилова. Меншиков помнил свой шок от погружения в детали знаменитого Брусиловского прорыва...

Австрийцы при поддержке немцев вполне смогли удержать фронт. Да, на двух участках он отка-

тился на 80–120 км. Значимо. Очень значимо. Но не более того, так как прорыва не было. Противник удержал фронт, а всё наступление ознаменовалось только скромным тактическим успехом... за который было заплачено просто чудовищными потерями! Такими, что Русская Императорская армия летом 1916 года потеряла свои последние резервы в операции, не имевшей стратегического значения. Для войны, во всяком случае.

Почему так? Ведь говорят... много чего говорят. Но австрийское наступление в Италии заглохло до начала русского. А германское – под Верденом – удалось погасить только наступлением на Сомме и вступлением в войну Румынии. Да-да, Румынии. Потому что против Юго-Западного фронта – прорвавшего-де оборону – войск перебросили меньше, чем против Румынии с куда более слабой и малочисленной армией.

«Занятым» в истории Брусиловского прорыва было не только это. Например, общеизвестно, что именно Алексей Алексеевич стал автором новаторского метода наступления. Да вот беда. Всю кампанию 1914 года его активно применяли обе противоборствующие стороны до изобретения «гениальным» генералом. В том числе и русские войска в Галиции, на Волыни, в Польше и Прибалтике. Но и это ещё не всё. Саму идею нанесения смежных отвлекающих ударов в данном конкретном случае предложил не Брусилов, а начальник штаба Верховного Главнокомандующего – генерал Алексеев. Алексею Алексеевичу же поручили её реализовывать на конкретном участке. А он взял и не справился. Сложно апологету учения генерала Драгомирова хоть с чем-то в современной войне справиться.

Но Брусилов не сделал выводов и начал винить всех подряд в провале операции. Того же Алексеева за то, что «не стал развивать его успех». Алексей Алексеевич ведь уже положил в полях целую прорву солдатиков, а у этого жлоба они почему-то взяли и кончились. Как же так? Изменник! Предатель! Не иначе. А уж как подчинённые этого «гения» провинились – не пересказать. Тот же Каледин – его выдвигенец и ставленник – относительно неплохо командовал своей

армией... до тех пор, как Брусилов не стал вмешиваться в каждую мелочь и не запарол всё по своему обыкновению.

В общем и целом – трэш, угар и содомия. Что, впрочем, не помешало впоследствии советской историографии превозносить его успех буквально до небес. Дескать, самый талантливый царский генерал не только «Февраль» поддержал, но и «Октябрь», добровольно вступив в РККА. И Максим был искренне счастлив, что в этой истории Брусилов не имел никакой возможности повторить свой «подвиг». С такими героями и врагов не нужно.

Так или иначе, но конфликт фронтов нарастал. Сторонники Драгомирова и нарочитой «русскости» переводились к Брусилову. Те же, кто хоть немного мыслил и мог в должной мере оценить успехи Меншикова и Ренненкампа – уходили на север. Благо, что ни Алексей Алексеевич, ни Павел Карлович переводам не препятствовали.

#Их было много, но не так чтобы и валом. Можно было стерпеть...

– И что вы предлагаете делать дальше? – поинтересовался Меншиков, после того как генерал обрисовал ему ситуацию. – Генерал Иванов верен императору, но он валенок и не сможет сгладить спор. Брусилов, очевидно, и дальше станет саботировать общие дела. И ничего поделать с ним пока нельзя. Гнилая ситуация.

– Гнилая, – кивнул Ренненкампа. – Значит, нужно думать о том, как своими силами справиться. Без оглядки на смежников...

Поговорили. Ренненкампа поехал по своим делам, а Меншиков отправился во дворец. К жене. Дорога проходила тихо и спокойно. Кортёж, которым он теперь ездил везде и всегда, обеспечивал безопасность. А он сидел в ничем не примечательной безликой машине и думал, поглядывая в окошко в просветы между шторок, которые скрывали его от посторонних глаз, что позволяло не сильно опасаться вычислений. Ведь такие же висели на всех авто, да и машины в кортеже периодически по дороге менялись местами.

И тут его глаз что-то царапнуло. Образно говоря. Да не легонько, а основательно. Так, словно раздражённый подвыпивший студент ведёт ключом по крылу дорогого автомобиля, снимая стружку с отвратительным звуком.

– Останови, – бросил он водителю.

Тот подал условный звуковой сигнал, и вся колонна остановилась. Выскочили бойцы охраны, обеспечивая периметр. Вышел Меншиков и мед-

ленно, на негнущихся ногах направился к замеченной «проблеме».

Так и есть. Глаза не подвели его. Возле одной из мелких лавочек стояла Марта. Та самая Марта, которую он не нашёл в себе сил застрелить там, в Восточной Пруссии. Не смог Максим поднять руку на женщину, которой за несколько часов до того уделил своё особое генитальное внимание к обоюдному удовольствию. Да, простая служанка. Ну так и что из того? Он в те дни и знать не знал, что его судьба так замечательно сложится. Мнил будущие дни либо в бегах, либо в дурдоме.

Марта и Марта. Что в ней такого? Мало ли кто с кем совокуплялся? Да. Всё так. Но у неё на руках был младенец. И надо сказать, что, увидев приближающегося Максима, женщина побледнела и начала откровенно дёргаться. Разве что малыша прижимала сильнее.

– Как ты здесь оказалась? – спросил Меншиков, когда подошёл практически вплотную.

– Я... – тихо промямлила она и осеклась под его пристальным взглядом.

– Что ты? Как ты здесь оказалась?

Она нервно сглотнула подкативший к горлу комок и поведала ему довольно любопытную историю. Оказалось, что из Восточной Пруссии женщина выехала в Западную Померанию, где и вышла замуж. А потом и родила. Хитрое ли дело? Но мужа убили во время июньских боёв. И теперь она пыталась выжить, перебиваясь случайными заработками. Ребёнок же был с ней, потому что Марте не с кем его было оставить. Максим по-

смотрел на эту девочку и едва не вздрогнул. Глаза, цвет волос и кое-какие черты лица – они были явно его. Остальные же от Марты.

- Она от меня? – тихо, шёпотом спросил он у женщины.

Та потупилась и промолчала. А потом подняла глаза с едва заметными слезами на глазах и отрицательно покачала головой.

- Нет. Что вы. Просто Эльза родилась недоношенной на два месяца...

- Хорошо, – произнёс побледневший Максим, прекрасно понявший этот намёк. – Ты где живёшь? Жильё есть?

Она неуверенно качнула головой.

- Сегодня что-нибудь ела?

Вместо ответа она неуверенно улыбнулась... с тоской в глазах.

- Пойдём.

- Куда?

- В замок. Там нужны слуги. Уверен, что ты справишься.

- Но там ваша супруга... – с ужасом произнесла она.

- Она поддержит меня в желании помочь опрятной вдовой горожанке с младенцем на руках. Тем более ты уже была служанкой. Чего тебя пугает?

- Но...

- У тебя есть фотокарточки мужа?

- Нет.

- Вот и всё. Просто не рассказывай никому о том, как он выглядел. Ясно?

– Ясно.

– Вот и хорошо. Пойдём.

В какой-то мере Максим рисковал. Но не сильно. Бойцы, освобождённые им из плена в том поместье, погибли во время отражения штурмов в июле. Остальные же или не знали её, поступив в отряд позже, или не помнили, или как Хоботов, поощрили бы такой поступок.

До замка добрались без происшествий. Максим хотел посадить Марту с собой в автомобиль, чтобы поддержать на руках собственную дочь. Но не решился. Лишние слухи никому не нужны. Поэтому передал её на опеку солдатам и «вспомнил» только по прибытии, когда потребовалось представить супруге новую служанку. Камерная обстановка не располагала к обширным штатам. Поэтому великая княгиня должна быть в курсе всего персонала, находящегося в её прямом подчинении.

Татьяна встретила Марту вполне благожелательно. Душещипательная история, казалось, тронула её до глубины души. Ни словом, ни видом она не выразила своего раздражения или неудовольствия. Да и Марта кланялась как заведённая и непрестанно благодарила её за милость и доброту. Искренне. Потому что понимала: Максим Максимом, но, если хозяйка служанку не примет, ничем хорошим это не закончится.

Но вот слуги увели свою новую коллегу. Дверь закрылась. Меншиков обернулся и наткнулся на леденящий душу взгляд супруги. Без ненависти. Но... Максим Иванович трусом не слыл, од-

нако здесь и сейчас ему стало страшно. Очень страшно.

– Что с тобой?

– И много ещё твоих бастардов нам придётся приютить? – холодно, с шипящими нотками поинтересовалась Татьяна. – Это ведь та самая Марта, на которую у тебя не поднялась рука? Ведь так? По срокам всё совпадает. Или будешь отрицать?

- Нет, не буду, - хмуро ответил муж. - Был грех.

- Насильничал?

- Нет.

- Сколько ещё баб твоих бастардов в подоле принесут? - вновь холодно поинтересовалась супруга.

- Больше никто не принесёт. После того как тебя встретил, я ни на кого и не смотрю. А Марта... Я бы не простил себе, если бы бросил её умирать с ребёнком на руках. Она ведь голодала.

- Этого ещё не хватало! - раздражённо фыркнула Татьяна. - Что не бросил - молодец. Я бы тебе не простила, если бы узнала, что ты бросил помирать с голода собственную дочь. Пусть даже внебрачную и нежданную.

- Ты сразу поняла?

- Ты мордашку этой девочки видел? - с укоризной поинтересовалась жена. - Она хоть и малышка, да только всё слишком явно. Довольно характерные черты проявились. Это могло бы быть совпадением. Мало ли? Но ты ведь заботишься только о своих или о тех, кто тебе зачем-то нужен. Какая польза с этой измученной женщины для твоих дел? Правильно. Никакой. Возможно, какие-то тайные игры. Но в этом случае ты бы не пристраивал её в служанки при дворце. Вывод оказался слишком очевиден.

- Мне жутко неловко.

- Разумеется, тебе неловко, - буркнула супруга. - Странно, если бы было иначе. М-да. Неужели так невтерпёж было?

- Я же уже рассказывал, - буркнул Максим. - В те дни я думал, что я самозванец, которого или казнят, или в дом для душевнобольных упекут, или мне придётся бежать из страны. Я не видел для себя никакого будущего. Думал одним днём. Жил моментом. Эх... Виноват... Что тут ещё сказать? - Меншиков повесил голову.

Татьяна молча подошла. Нежно его обняла и елеиным голосом, почти с придыханием, прошептала на ушко:

– Узнаю, что гуляешь – убью.

Неожиданные слова. От них Максим аж вздрогнул и чуть отпрянул. Но только для того, чтобы рывком крепко-крепко прижать к себе супругу. Её глаза смотрели жёстко, пронзительно, с лёгким налётом безумия, а губы слегка подрагивали. Жутковатое зрелище. Обнимать её много приятнее, чем смотреть в эти – холодящие кровь – глаза.

Неизвестно, что Татьяна себе там надумала, однако Марту впоследствии она не третировала. Даже более того – взяла некоторое шефство, потихоньку приближая. Насколько это возможно для простолюдинки. Да и малышке тоже уделяла своё внимание.

Максим же слова жены крепко запомнил. Он не был трусом, но она в тот момент смотрела на него ТАКИМ взглядом, что парень поверил в её искренность. Убьёт. Во всяком случае – попытается. Слишком уж для неё этот вопрос оказался значим...

Глава 3

1916 год, 11 мая. Штормград

Раннее утро. Скорее ещё ночь.

Щёлкнула и отворилась дверь, выпуская Максима из автомобиля. Рядом трое бойцов – наблюдают за периметром. Чуть в отдалении ещё две тройки. Он вышел из авто и спокойно двинулся вперёд. Темнота скрывала его лучше всякой брони. Пока скрывала, но скоро рассвет...

Наш герой прошёл в комендатуру города, где его уже ждали. Уставший и не выспавшийся Хоботов нервно вышагивал у стола и теребил карандаш, да так интенсивно, что это выглядело в некоторой степени неприлично.

– Лев Евгеньевич, я смотрю: вы полны утренней страсти.

– Максим Иванович! – не сразу заметив его, ахнул Хоботов. Видимо, сильно погрузился в мысли.

– Что-то случилось?

– Вечером к нам явился некий Аристарх Свистунов. Сказал, что хочет с вами поговорить. Поначалу мы его отправили в общую запись на приём. Но когда я выходил из комендатуры, он подошёл ко мне и сообщил, что знает про нападения.

– Вот как? И что он хочет?

– Мы с ним пообщались. Поначалу он не хотел мне ничего говорить, но потом уступил. И сообщил, что люди, знающие, кто и зачем пытается вас убить, ждут встречи в одном загородном домике. Куда вам надлежит прибыть для переговоров. Дескать, это вопрос жизни и смерти: ведь из-за покушений на вас уже пострадали мирные и ни в чём не повинные люди. И что будет дальше, никто не знает.

– Адрес он сказал?

– Нет. Говорит, что покажет сам, как ехать. Он очень переживает за безопасность своих близких и имеет тоже определённые риски.

– Лев Евгеньевич, проводите господина Свистунова в подвал. Да-да, в ту комнату со звуковой изоляцией.

– Но... Максим Иванович! Он же пришёл предложить помощь!

– В канун наступления и вот такую странную, очень похожую на ловушку? Свистунова допросить. Если расколется сразу, пусть там в подвале и посидит. Если нет, то тело в Одер. А по выявленному адресу отправьте ребят. Пусть отработают. Даже любопытно: засада там или заминировано.

– Проклятье... – прошептал Хоботов, хлопнув себя рукой по лицу. – Эх... Максим Иванович... Спать мне нужно больше.

– Все мы слишком утомлены. Главное – дел не наворотили под впечатлением.

Лев Евгеньевич молча кивнул и, развернувшись, решительно направился по коридору своей энергично-неуверенной шаркающей походкой. За эти два года он стал совсем другим. Тот увалень-интеллигент, с которым Максим повстречался в лесах Восточной Пруссии в августе 1914 года, остался там навсегда. И война сказала, и испытания, и близкое общение с нашим героем. Он приобрёл немало отчаянности и романтической решительности. А главное – готовность убивать. Если не своими руками, то силами подчинённых уж точно. Крови перестал бояться. После обороны Штеттина он в ней наплавался до тошноты – и это переломило страх. Подавило его. Раздавило. Расплющило. А потом он обрёл ещё свою любовь – медсестру Людочку, из-за которой Лев Евгеньевич был готов не только на мотоцикле прокатиться, удирая от проблем, но и в бой вступить. Нелепо и неловко, но решительно и без всяких сомнений-сожалений...

Хоботов ушёл по делам, а Максим отправился в главное штабное помещение. Он сюда каждый день уже приходил, пытаясь принять решение. Командующий Северным фронтом и Ставка не ставили точных сроков, оставляя начало операции на откуп нашему герою. И тот ловил момент, пытаясь нащупать наиболее подходящую ситуацию. Ведь требовалось ударить без замаха. Быстро. Решительно. И сокрушительно. Причём линию фронта нужно было не только взломать, но и преодолеть. Запредельно быстро. Так, чтобы никто не смог отреагировать. То есть в сжатые сроки навести мосты через траншеи и речушки, чтобы его полковая колонна смогла прорваться дальше.

Аэропланы, оборудованные фото- и киноаппаратурой, постоянно летали над германскими позициями. Ни днём, ни ночью не оставляя супостата в покое. Да, приборов ночного зрения не было, но сбор сведений о кострах, огнях и прочих бытовых признаках скопления людей имел огромное значение. Скупались и через Швецию вывозились газеты, которые потом методично изучались. Составляли «розу ветров» для полёта германских самолётов, выявляя места базирования. Ну и «языков» брали регулярно.

Сведения же стекались сюда, в комендатуру, и агрегировались. А на большой и детальной карте всюду отмечалось всё, что может пригодиться и быть

полезным. Даже мостики через ручьи, если удавалось их выявить.

Работать над этим вопросом начали ещё зимой – в феврале. И Максим, наведываясь по делам в Штурмград, каждый раз просматривал и обдумывал собранные сведения. Их становилось всё больше, но легче от этого не было. Потому что он никак не мог решиться. А в Ставке уже дёргались: ведь у любого терпения есть предел. Требовалось начать действовать, но глаз его никак не мог ни за что зацепиться. Он просто не видел очевидной дыры в обороне. Немцы его явно уважали и ценили. Здесь – против Штурмграда – у них оказалась самая крепкая и глубокая оборона на всём Восточном фронте. И лучше всего оборудованная...

А пока он думал, Лев Евгеньевич действовал. Уже пострадали приближённые к Максиму Ива-

новичу люди. В том числе и их родственники. Поэтому он, переживая в том числе и за Людочку, закусил удила. Бедного Аристарха Свистунова разложили в комнате интенсивных допросов так быстро и решительно, что тому пришлось приложить немало усилий, чтобы начать рассказывать и безудержно «колоться». Всё-таки взбешённый интеллигент с кусачками бывает несколько экзальтирован и крайне опасен. Вот и Хоботов на какой-то момент забыл, зачем он туда зашёл. Накрутил себя, а сдать на тормозах едва смог.

Дальше пошла рутина.

От комендатуры выехало три рабочие группы. Парочка отправилась проверять и паковать злодеев по городским адресам. А третья – самая крупная и сильная – «поскакала» в загородный домик. Засада. Там была засада на Максима. Аристарх толком ничего не знал, но кто-то очень хотел получить Меншикова живым или мёртвым. Там хватало бойцов и оружия, чтобы наверняка скрутить или убить нашего героя, если он приедет даже со значимой охраной. Поэтому Лев Евгеньевич отправил туда штурмовые группы, подкреплённые броневедомыми. И сам с ними отправился...

И вот тот самый лесок. Лев Евгеньевич посмотрел на карту местности в планшетке командира штурмовиков. И вопросительно на него глянул.

– Особняк находится вот тут, – указал тот пальцем. – Здесь и здесь нужно поставить заставы, чтобы не дать им отступить.

– А мы?

А основные силы не спешили. Аристарх был простой пешкой и не знал схемы обороны. Поэтому не мог сказать – заминированы ли подъезды. Да, обычных полевых мин времён Второй мировой пока не употребляли. Но что мешало им заложить фугасы с дистанционным подрывом? Так, как это делали в морских крепостях, прикрывая фарватер.

Поэтому вперёд выступили бойцы в «лохматом» камуфляже, «прогулялись» и всё осмотрели. Явных следов минирования не нашли. Маскируй не маскируй, а если недавно копал, всё равно следы бы остались. Вряд ли здесь, в этом доме, ловушку собирались сделать сильно заранее, да ещё так продуманно. Однако, не рискуя очень уж сильно, броневые автомобили прикрытия решили отправить не по дороге, а по выявленным в лесу проходам.

Почему так? Риск же был. Да. Был. Но вероятность сплошного минирования периметра была ещё меньше.

Броневые автомобили двигались на широких покрышках низкого давления с крупным, «зубастым» протектором – ноу-хау Меншикова. Их выпуск только-только наладили на Петроградском заводе «Треугольник», и никто ещё не знал об их реальных возможностях. Ведь выпускали их только и исключительно в интересах отдельного лейб-гвардии механизированного полка. Не штучно, но малой, ограниченной серией. Для обычных броневых автомобилей проход по этому лесу был практически нереален. Почти полное отсутствие развитого протектора на узких покрышках с бал-

лонами высокого давления, что бытовали во всём мире в те годы, не оставляло для такого подвига почти никаких шансов. Из-за чего бойцы в особняке, скорее всего, не ожидали такого манёвра, считая его нереальным.

И вот вновь взревели моторы и к особняку с разных сторон двинулись штурмовики, подкреплённые бронетехникой. Да, колёсной. Но в те годы и этот аргумент был очень веским. Километр леса преодолен. Сквозь деревья отчётливо проступил особняк и окружающий его луг.

И тут на опушке зашевелились артиллеристы. Оказалось, что для встречи «дорогих гостей» принимающая сторона подготовила даже несколько лёгких морских орудий Гочкиса, поставив на самодельные лафеты. Не очень удобно для маневрирования, но обстреливать бронетехнику в упор – вполне. Тем более, когда знаешь, откуда она пойдёт. И о чудо! Они замаскировались! Под большой стог сена. У которого сейчас боковые стенки оказались отброшены, и бойцы спешно ворочали не самые лёгкие пушки.

Бам. Бам.

Застучали карабины, прореживая артиллеристов. Дистанция вполне подходящая.

Откуда-то из окна особняка ударил станковый пулемёт. Просто по лесу. На подавление.

Бах. Ударил 75-мм «окурок», установленный в качестве основного башенного орудия. Переделка из британской горной пушки QF 2,95": у неё накрутили на ствол двухкамерный дульный тормоз, чтобы лёгкую башню не сдувало. Что позво-

лило достаточно просто впихнуть столь мощное орудие в относительно лёгкую башню броневедомокола.

Снаряд пошёл невпопад. Всё-таки стрелять на ходу – плохая идея. Поэтому стальная тушка ударилась в кирпичную кладку сильно выше того места, откуда стрелял пулемёт. Тот на несколько секунд замолк, но потом вновь возобновил огонь на подавление. Просто по лесу, где толком и не разглядеть было штурмовиков в «лохматом» камуфляже.

Бах. Вновь ударил 75-мм «окурок». И в этот раз – точно в цель. Снаряд залетел в большое и просторное окно и взорвался где-то внутри. Так что теперь, даже если осколками не посеколо, то надёжно всех оглушило. Вот пулемёт и затих.

А тем временем продолжалось наступление.

Штурмовики быстро перестреляли артиллерийские расчёты и продолжили наступать на особняк. Как на учениях. За тем исключением, что в этот раз им в ответ стреляли не понарошку. Впрочем, у каждого из них было больше сотни учебных штурмов, в том числе сложных с развитой системой взаимного огневого прикрытия. Здесь же не было ничего особенного. Банально и просто. Поэтому штурмовики, ведя огонь на подавление по окнам, спокойно сблизилась и начали зачищать помещение за помещением.

Граната в окно. Взрыв. Подсадка бойца. И тот рывком врывается в помещение, где со своим самозарядным карабином имеет значимое огневое превосходство. Парой секунд погодя туда влетает второй. Который подтягивает третьего.

И пошло продвижение.

Сначала в комнату входила граната. Потом бойцы. Комната за комнатой. Этаж за этажом. Главной проблемой было своих не побить. Но навык у бойцов уже был неплохой, так что они действовали довольно слаженно.

Раненых не добивали. Их вязали для допроса. Тех, кто не оказывал сопротивления. При малейшем неповиновении или писке пуля ставила точку в жизни непонятливого человека. Им не было смысла рисковать. И они действовали спокойно, размеренно и наверняка...

- Что там? - спросил Максим, когда в штабное помещение комендатуры вернулся Лев Евгеньевич совершенно взлохмаченного вида, что при его причёске «налысо» было весьма непросто. И, не дожидаясь ответа, кивнул на комнату, где смогли бы переговорить. - Удалось что-то выяснить? - уточнил свой вопрос Меншиков, пока Хоботов нервно пил воду прямо из графина.

- Нас ждали. Пять 47-мм морских пушек на самодельных лафетах. Семь пулемётов, станковых. За сотню хорошо вооружённых бойцов.

- Большие потери?

- Четверо раненых. Один тяжёлый, но должен выкарабкаться, остальные лёгкие. Когда поняли, с кем столкнулись, мы не рисковали.

- И правильно делали. Пленные остались?

- Уже нет, - очень странно перекошил рот Хоботов, что выглядело на его лице невероятно.

#Прямо плюшевый мишка в роли кровожадного упыря.

- Кто?

- До допроса дожили только простые бойцы. Но они наши. Все наши. Понимаете?

- Твою мать... - тихо процедил Максим. - Хоть какие-нибудь зацепки есть?

- Это солдаты! Понимаете?! Солдаты! Кошмар! Как они посмели?! - взвизгнув, выдал Хоботов.

- Солдаты?

- Все допрошенные - с Юго-Западного фронта. Раненые. Им обещали денег и комиссование. Чтобы домой могли вернуться и помочь семьям. Они не отказались. Хотя знали, на кого идут. ЗНАЛИ!

- Нужно копать, Лева. Нужно основательно копать. Личности всех удалось установить?

- Почти!

- Составь картотеку и постарайся выяснить - кто откуда, где лечился и так далее. Возможно, получится выйти на общий госпиталь или получить ещё какую зацепку. Врагом мог оказаться кто угодно.

- Их обещали комиссовать...

- А ты уверен, что обещание собирались выполнять? Такие свидетели никому не нужны. Я думаю, что их бы перебили тихо и без лишней пыли. И концы в воду. Ладно. Ты копай. А мне нужно валить.

– Валить?

– Начинать наступление. И незамедлительно. Вот завтра с утра и начнём.

– Что-то удалось найти? Какую-то лазейку?

– Нет. Но ждать дальше, сам видишь, смерти подобно. Не меня – так тебя; не тебя – так Танечку; не Танечку – так Людочку. Понимаешь? Мы кому-то очень сильно спутали карты, и они не остановятся. Так что ты копай и приглядывай за моими. Пусть сидят здесь безвылазно. В Петрограде им делать нечего. А если припечёт – так в Данию или Швецию пусть едут. Отдохнуть-погостить. И сам туда же перебирайся. И ценности перевози в случае чего. А я в рейд, чтобы не было соблазна. Там – по ту сторону фронта – меня будет очень сложно ловить.

– В случае чего? – удивлённо переспросил Хоботов.

– Война, друг мой, она не только на фронтах. В тылу у нашего народа и страны врагов не меньше. И далеко не все из них простых чинов. К сожалению. М-да. Но не унывай. Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!

На том и расстались.

Хоботов пошёл спать после бессонной ночи. Не домой, нет. В специальную комнатку комендатуры. Чтобы, если что, оперативно отреагировать на события. Пока доверенные люди начали агрегировать сведения, взятые в том особнячке наскоком. А группа криминалистов так и вообще – выехала туда рыть носом. Требовалось найти зацепки.

Меншиков же вернулся в штабное помещение. Требовалось всё подготовить для наступления. Начиная с выбора плана и заканчивая подготов-

кой всех необходимых приказов и распоряжений. Ну а вы что думали? Это роту можно поднять и с криками «ура-улю» унести в далёкие дали. С полком уже так не прокатит. Бумажки нужны. Своевременные и правильно написанные. Тем более что полк был «размазан» ровным слоем по всему Штормграду, как и его материальная часть. Так что работёнка Максима ждала очень непростая и весьма муторная.

Но больше всего его тревожило другое.

Прорыв.

Технически он прекрасно представлял себе, как взламывать быстро и относительно легко любую оборону времён Первой и Второй мировых войн. Слишком они были примитивны и банальны для хорошо подкованного в военном деле офицера из XXI века. Оно и неудивительно. Первые шаги. Все армии мира нуждались в этих войнах, чтобы научиться преодолевать полевые укрепления, брать города-крепости и так далее. А так как в этой реальности позиционная фаза Первой мировой наступила сильно позже, то и продвинулись в подобных вопросах все вокруг куда как меньше.

Но, кроме взлома обороны, была и другая беда. Прорыв. Требовалось очень быстро ввести силы в получившуюся дыру и уйти на тыловые коммуникации, избегая заслонов. А как это сделать? Начнёшь открыто готовиться? Так ведь и немцы отреагируют. Шпионов-то в Штормграде хватало. Много орудий притащишь – узнают. Начнёшь накапливать всякие ресурсы для наведения мостов – также прознают. И на каждый шаг постараются найти парирующее решение. Поэтому наш герой решил пойти традиционным для себя путём – вводить в заблуждения заведомо неверными манёврами. Они ведь столько раз его выручали...

Глава 4

1916 год, 13 мая. Северный фронт у Штормграда

Пётр аккуратно выглянул из-за бруствера траншеи. Окинул быстрым взглядом обстановку. И сразу нырнул обратно. Раз. И всё. Как и не высовывался.

– Готов? – поинтересовался офицер связи.

Тот молча кивнул.

Несколько коротких нервных вздохов. Долгий выдох. И резким рывком он выскочил за бруствер траншеи и залёг в заранее выкопанной канавке возле неё. Та змейкой с примерно полуметровым углублением уходила вперёд. Специально по ночам рыли последние пару недель. И кабель пробросили телефонный, который Пётр сейчас проверить и должен был. Для начала.

Минута шла за минутой. Метр за метром.

Пётр полз вперёд и внимательно осматривал кабель. Но обмотка не вызывала подозрений, да и дождей последнее время не было. Главное было – самому не порвать. Сапоги не так нежны в обхождении со столь хрупкими предметами. Поэтому он кабель осторожно присыпал по левому скату канавки, пуская его лёгкой змейкой, чтобы запас был, чтобы если и дёрнуть, то не фатально.

Но вот наконец цель достигнута. Замаскированный наблюдательный пункт на нейтральной полосе. Тоже по ночам делали. Одиночный окоп, прикрытый сверху корягой. В ней – подъёмные средства наблюдения. Они поднимались таким образом, чтобы оказаться в тени просторного дупла. Угол обзора не очень хороший, но он сориентирован таким образом, чтобы смотреть под углом к фронту, захватывая большой участок. Ну и защищая приборы наблюдения от фронтального обстрела из стрелкового оружия.

Достав из кожаного рюкзака телефонный аппарат, Пётр установил его на приготовленную для него площадку. Несколько раз крутанул ручку и произнёс в трубку:

– «Пингвин», «Пингвин», я «Карась». Приём.

– Слышу тебя, «Карась»...

И работа пошла. Один за другим артиллерийские корректировщики выходили на заранее подготовленные позиции. С ними устанавливалась телефонная связь, что через коммутационные узлы пробрасывалась в артиллерийские бункеры в ближайшем тылу. А там, в свою очередь, сведения их собирали, агрегировали и обрабатывали, через нанесение на карту различных сведений и отметок.

Бам! Бам! Бух!

Заработали артиллерийские системы. Не сплошной чередой затяжной канонады. Нет. Работали осторожно. Можно сказать, деликатно –

только по выявленным целям. Постоянно держа руку на пульсе через корректировщиков. Так наступление и началось. Совершенно нестандартно, никому не понятно... неформально, походя больше на мелкий тревожащий обстрел. В обед. ОБЕД! Что не лезло ни в какие ворота! Как так вообще можно было поступить? Безумие! Все цивилизованные люди начинают наступление с утра. А этот дикарь Меншиков взял – и в обед затеял вопреки всякому здравому смыслу и освященным веками военным традициям. Впрочем, странности на этом не заканчивались. Отнюдь. Они только начинались.

Как в те годы было принято наступать? Правильно. Сосредотачивая на нужном участке фронта как можно больше орудий и долгое время перепахивая ими поля. С недельки две-три. Чтобы супостат мог подтянуть резервы. А как иначе? Кокаин, на котором крепко и уверенно сидела бо́льшая часть генералитета всех сторон-участниц Первой мировой, давал не только удивительную бодрость духа и заряд энергии, но и полную потерю критичности восприятия того бреда, что человек творил или думал. Довольно специфичный энергетик. Но его употребляли массово и безудержно все, кому хватало на него денег. Его даже прописывали с конца XIX века как средство от опиумной наркомании и алкоголизма. Впрочем, эти средства «расширения сознания» тоже никуда не девались, активно вплетаясь в удивительный мир безосновательно оптимистичных кокаиновых «торчков».

Так вот. Долго-долго стреляли, спуская за это время чудовищные деньги в сортир. А потом, ранним утром, отправляли вперёд массы пехоты. Чтобы та с радостными криками бежала на пулемёты. Волна за волной. В надежде, что у защищающейся стороны либо патроны кончатся, либо пулемёты сломаются. Потому что иначе этот бред объяснить никак не выходит. Десятками тысяч человек иной раз приходилось жертвовать для того, чтобы захватить одну жалкую линию траншей...

Прошли годы. Наступила Вторая мировая. Как наступали апологеты той же школы? Да точно так же. Массировали количество стволов артиллерии на километр фронта. Вспахивали грунт снарядами. И вперёд. Только привычную уже бездонную пехотную толпу стали активно разбавлять танками. Но тоже массированно. Просто. Тупо. Примитивно. Но вполне действенно. Разве что КПД у таких наступательных операций крайне невысокий, а расход личного состава

вкупе с материальной частью за пределами добра и зла. Но война есть война, а генералов других не было, а эти воевали как могли, будучи продуктом своего времени, окружения и «лекарственных препаратов».

К счастью, у Максима не было такого чудовищного количества ресурсов, дабы, проявив «выдающиеся тактические и стратегические способности», бездарно слить их в первом же сражении. Поэтому пришлось работать иначе, опираясь на опыт и наработки совсем другой школы.

Артиллерию для артподготовки наш герой использовал нестандартную для Российской Импе-

раторской армии. Она была представлена двумя группами орудий: 10,5 и 15-см гаубицами. Трофейными. Немецкими. «Десятки» стали основными «рабочими лошадками». Немногочисленные же «пятнашки» стояли для контрбатарейных и прочих специфических задач. Причём даже эта артиллерия была довольно немногочисленная по меркам времени. Её было в целом достаточно для оборонительных задач, но для наступления... ну никак. Германская разведка, безусловно, следила за такими вещами, поэтому низкая концентрация орудий добавляла Максиму бонуса в виде внезапности.

Но как с таким острым дефицитом артиллерии наступать? Меншиков ничего не выдумывал. Он просто воспользовался схемой, которая в годы Первой мировой войны делала свои первые шаги, находясь в совершенном зародыше.

По распоряжению нашего героя составлена максимально точная карта местности с разделением на промаркированные квадраты. Не так чтобы сильно мелкие, но заметно. Ещё удобные для того, чтобы по ним можно было работать, наводясь по счислению.

После чего карта эта тиражирована и передана артиллеристам, корректировщикам и штабным офицерам. Артиллеристы по ней составили очень подробные таблицы стрельбы, заранее рассчитав углы наведения и возвышения. Для каждой из обозначенных им позиций. В штабах тоже поработали, составив карту эффективных радиусов и углов обстрела тех или иных позиций с той или иной батареи либо места, под неё обустроенного. Как итог – потёкшие от корректировщиков сведения позволили работать очень гибко, оперативно и экономно. Выявили пулемётное гнездо? Пара минут «жизни» максимум. И

накрыли. Как и с другими целями. Причём не перекапывая все окрестные гектары снарядами, а деликатно отрывая голову супостату довольно ограниченным количеством боеприпасов.

Причём 10,5-см гаубицы не стояли на месте. Отделения по три орудия после десятка залпов снимались и уходили на новую позицию. Их заранее обустроили достаточно. Ведь чего сидеть на одном месте? Враг не дремлет и гарантированно попытается уничтожить тебя контрбатарейным огнём. И попытался. Точнее пытался без всякого на то успеха. Слишком долгая реакция.

Максим предусмотрел и это. Поэтому вдоль фронта были поставлены так называемые акустические посты. Там располагались довольно специфические установки: обычный автомобильный прицеп с поворотной установкой. На ней сидел боец с хорошим слухом и слушал, используя разнёсенные в сторону жестяные раструбы. Что позволяло довольно точно «наводиться» на азимут до источника шума. То есть вражеской батареи, открывшей огонь.

По телефонной связи эти данные передавались в штаб. Оттуда в центр управления огнём в какой-либо из артиллерийских бункеров. Там эти данные обобщали, рассчитывали по методу триангуляции место расположения вражеской батареи и накрывали её огнём 15-см гаубиц. Беглым. Быстрым. Выдав на пределе скорострельности семь залпов, они уже сами сворачивались и тикали на новые позиции. Но, как правило, такой «ответки» хватало, чтобы германская батарея замолкала. Ведь работали шрапнелью, тщательно проливая свинцовыми шариками всё вокруг орудий, выбивая артиллеристов и лошадей.

И вот – уже в сумерках – начался штурм первой линии траншей. И опять он пошёл не так, как надо и привычно всем вокруг. Штурмовики тихо и спокойно поползли вперёд, старательно не привлекая к себе внимания. Достигнув рядов колючей проволоки, они её перекусили – кусачки тащили с собой. Прodelали проходы. И поползли дальше – к траншеям.

Всё это время из русской траншеи первой линии постреливали из миномётов. Не так чтобы интенсивно, но регулярно. То тут бухнет. То там. Что заставляло немцев не сильно высовываться и не уделять пристального внимания нейтральной полосе. Тем более что штурмовики были все в масках, что немало скрывало их от брошенного мельком взгляда.

Но вот прекратили стрелять миномёты. Слишком опасно стало. Можно своих зацепить. Немцы стали осторожно высовываться. Но было уже поздно. Штурмовики уже успели накопиться на последнем рубеже и начали свою атаку, работая по принципу малых групп.

Первое звено продвигалось вперёд. Второе его прикрывало, держа под обстрелом левый сектор.

#Третье – правый. Рядом так же поступало второе отделение взвода. А сзади подтягивалось третье. Поэтому всякие любопытные головы над германским бруствером встречались метким и плотным огнём.

Когда до бруствера осталось совсем чуть-чуть, за него полетели первые гранаты. Бах! Бах! Бах! Начали рваться они. И следом в траншею посыпались штурмовики. Но опять же – организовано. Одно звено останавливалось до бруствера и контролировало пространство по ходу продвижения. Второе – спрыгивало внутрь. Третье держало тыл и прикрывало соседей.

Вооружение у штурмовиков было самое что ни на есть серьёзное. В каждом звене два бойца несли самозарядные карабины, сделанные на основе Remington Model 8 под патрон.25 Remington[8 - Патрон.25 Remington – это 6,54x52 в привычной нам классификации. На 7-граммовой пуле он давал 1744 Дж и около 710 м/с. То есть, по сути, представлял собой классический промежуточный патрон.]. Всё закупили в США и завезли в Россию без всяких проблем. Серийный продукт не представлял никаких проблем. Их не сильно доводили. Скорее косметически, избегая трогать затвор, ударно-спусковой механизм и прочее.

Встроенный магазин заменили сменным коробчатым двухрядным на двадцать пять патронов. Вместо классического деревянного приклада поставили полый, трубчатый, Т-образный с регулируемой длиной и композитной накладкой из дерева и резины на подпружиненную пятку.

#Плюс ввели ухватистую пистолетную рукоятку с хорошим наклоном. На ствол надели перфорированный кожух и слабый дульный тормоз-компенсатор, ориентированный так, чтобы не столько отдачу гасить (она и так слабая), сколько не давать оружию подпрыгивать после выстрела. Ручку переноски на ствольной коробке прилепили с кольцевым апертурным прицелом на ней. Мушку

подняли для удобства прицеливания. Да и всё. То есть внешне карабин изменился чрезвычайно, хотя, по сути, только обзавёлся более удобным обвесом.

Максим не стремился перевооружить таким продвинутым оружием всю армию Российской империи. Нет. Только свой полк и своих людей. На них он денег не жалел.

Третий боец штурмового звена нёс дробовик, переделанный из знаменитого самозарядного Browning Auto 5, также находящегося в серийном выпуске. Переделка в целом аналогичная той, что прошёл карабин. Подствольный трубчатый магазин заменили на отъёмный коробчатый на 10 патронов 12-го калибра. Приклад унифицировали с карабином. Из отличий только удобно расположенная передняя ручка и достаточно мощный активно-реактивный дульный тормоз-компенсатор, позволяющий развивать приличную скорострельность из этого «дрына».

Ну и, само собой, лёгкий противоосколочный жилет, стальной штурмовой нагрудник и стальная каска. Плюс самозарядный пистолет – Люгер – и удобный боевой нож, переделанный из кавказ-

ской камы. Вот такие звенья и пошли вперёд – зачищать первую линию траншей немцев. За любой значимый угол обязательно летела граната. Плюс шёл контроль со второго яруса. Так что неготовые к такой тактике немцы практически не оказывали сопротивления. Просто не могли и не успевали.

Как метлой прошлись штурмовики по первой линии траншей, перебив всех, кого там обнаружили. Закрепились. Тем временем из тыла к ним подошли линейные пехотные отделения механизированного полка с пулемётами и лёгкими 60-мм миномётами. Даже несколько лёгких орудий удалось притащить. А точнее, четыре орудия, переделанных из английских 37-мм «Pom-Pom» Mk. I. Их с конца XIX века производили для морских нужд и наделали к началу Первой мировой уже довольно прилично, так что найти их для нужд нашего героя не составило труда. По сути этот «пом-пом» – пулемёт системы Максима несколько увеличенного размера. Ну и под патрон... хм... выстрел большего калибра. То есть автоматическая пушка.

Меншиков же смог их немного модернизировать. Ствол обрезал – укоротил. Заряд в гильзе уменьшил втрое. Снаряд же зарядил туда новый, тонкостенный,

стальной с большим зарядом ВВ и проволочной спиралькой, надсечённой на готовые сегменты. Ну и чувствительный ударный взрыватель, чтобы снаряд в грунт не зарывался. Само собой, снаряды получились большего размера, так как удалось их заметно глубже утопить в гильзе. Получившийся «шушпанцер» он поста-

вил на лёгкий колёсный подрессоренный лафет с раздвижными станинами и прикрыл тонким противопульным стальным щитком. Плюс добавил дульный тормоз-компенсатор с креплением на кожух, дабы не мешать свободному откату ствола. Дура получилась около трёх центнеров. Но как работала! Загляденье. Этаким эрзац-вариант АГС, сделанный буквально на коленке.

Вот эти четыре «пушечки» и успели бойцы прикатить – и даже немного окопать – перед тем как немцы пошли в контратаку.

Густыми цепями.

Массово.

Решительно.

Бегом.

В надежде на то, что прорвавшихся в первую линию осталось мало. Всё-таки бой за траншею – дело кровавое. А там, решив перестраховаться, немцы всё-таки подтянули кое-какие разрозненные резервы до пехотного полка суммарно на всей линии прорыва. Плюс поднялись те, что сидели во второй линии, да те, что успели отойти из первой.

Ударили короткими очередями 37-мм АГС. Заработали 60-мм миномёты. Забили короткими очередями лёгкие ручные пулемёты, но реже. Ещё реже звучали выстрелы самозарядных карабинов. Да и лишнее это было – поле просто поднялось взрывами.

В тонкостенные стальные мины для миномётов Максим тоже приказал пихать спиральки проволоки, надсечкой – для получения готовых сегментов. Так что поле поражения осколками получилось удивительное. Немцев накрыло словно

облаком пыли... стальной... и довольно крупной. Эффект получился такой, словно сама земля встала на дыбы.

Пара минут, и всё.

Контратака захлебнулась. А те, кто выжил, успев упасть, бросились уползать. Либо начали метаться в панике с криками и совершенно безумным видом. Их-то пулемётчики и снимали.

Минута.

И поступает приказ по телефонной линии. Связисты ведь не зевали. Меншиков слишком хорошо знал и понимал ценность оперативной связи. Поэтому связисты находились чуть ли не в самом пекле. И командиры рот могли иметь достаточно оперативную связь с центром, позволяя в штабах держать руку на пульсе.

Столь удачным отражением контратаки нужно было воспользоваться. Его требовалось развивать и закреплять, отбрасывая немцев из второй линии траншей первого эшелона обороны. И не потом когда-нибудь. А уже сейчас, пока они деморализованы и не имеют сил для обороны. Поэтому штурмовики двинулись вперёд. Практически так же, как и к первой линии траншей. Только не ползком, а короткими перебежками. Рывок. Пробежка звена. Падение. Рывок. Пробежка. Падение. И пока одно звено перебегает, два других его стерегут, прикрывают.

Но толку от такой предосторожности особенного не было. Артиллерию немцам уже повыбили контрбатарейным огнём. Ещё до начала пехотной атаки на первую линию. Оперативно выявляемые пулемётные точки накрывали миномётами и АГС. А у пехоты германской сил и духа бороться после такой кровавой бани просто не было. Бойцы, вернувшись в траншеи, просто свалились в них и пытались отойти от ужаса, что пришлось пережить. Там-то их штурмовики и настигли гранатами и плотным огнём...

Глава 5

1916 год, 14 мая. Северный фронт у Штурмграда

Максим прошёлся вдоль бруствера траншеи в полной темноте. До рассвета оставалось около часа. Но привлечённые силы с железной дороги успели навести мосты через эти искусственные препятствия. С использованием заранее запасённых материалов «для ремонта железнодорожных мостов». Шутка ли – здесь пролёт был за три метра. Просто бревно не положишь без подпорки. А если и положишь, то на очередной пушке или грузовике оно и лопнет, натворив дел.

Успели. Вроде бы успели.

На всех запланированных участках германских траншей первого эшелона навели пусть и временные, совершенно «колхозные», но мощные мосты с настилом, удобные как для прохождения пехоты, так и для прохода техники. Они выглядели, правда, диковато, словно их сооружали орки, а не люди. Но здесь теперь могли и тяжёлые грузовики в перегрузе пройти, и 15-см гаубицы на буксире. И даже привлечённые для нужд Северного фронта паровые дорожные тягачи. Их полгода уже как закупили в США и Великобритании довольно крупной партией.

Закупка техники (за золото, разумеется) и привлечение гражданских специалистов позволили в сжатые сроки изменить схему снабжения всего фронта. Из-за чего обозное хозяйство на уровне дивизия – корпус – армия преобразилось, что серьёзно повысило мобильность и подвижность этих организационных единиц. А главное – снизило нагрузку на дорожную сеть, просто сместив основной объём перевозок на эти «паровозные дорожные команды». Ведь один «паровик» заменял целую орду мужиков с повозками и добрым табуном лошадей. Что резко повышало эффективность войск, давая возможность их относительно быстро перебрасывать с фланга на фланг и относительно неплохо снабжать в отрыве от железной дороги. Практически на уровне немцев, компенсируя их организованность и дисциплину техническими решениями и передовыми идеями. А если в перспективе ещё и с орднунгом да рациональной прагматичностью и здоровой инициативой на местах дело подтянуть хотя бы немного, то и вообще – сказка могла получиться... в теории...

Почему именно паровые дорожные тягачи, а не те же бензиновые тракторы или тяжёлые грузовики, которые уже были на рынке? Всё упиралось в особенность эксплуатации. Паровой тягач развивает максимальный крутящий момент сразу.

Ему для этого значимые обороты не требуются. У него вообще этот параметр от оборотов не зависит. Поэтому при каких-то десяти – двадцати лошадиных силах и скромном КПД он умудряется вполне уверенно тащить целый поезд из гружёных прицепов, совершенно непосильный трактору с ДВС аналогичной мощности и даже вдвое-втрое большей. Медленно, конечно, тащить, но тащить, плавно разгоняясь до пяти-десяти километров в час, а иной раз и больше.

Другим немаловажным фактором оказалось топливо. Уголь, торф, горючий сланец или дерево в текущих условиях Северного фронта найти было намного проще, чем нефть или, тем более, бензин. Максим-то для себя расстарался, конечно, и обеспечил хороший бензин в необходимых объёмах. Но его механизированный полк – это всего лишь полк, пусть и раздутый до предела. На весь фронт же напастись бензином в нужных объёмах затруднительно. В тех условиях, во всяком случае. Да, закупался и привозился. Да, какой-то штат автомобилей держался. Но совершенно недостаточный для полноценной механизации тыла. Из-за чего дорожные паровые тягачи стали важнейшим – можно сказать даже, фундаментальным – фактором стратегического тыла Северного фронта.

Оставались проблемы с персоналом этих паровиков. Но его удалось нанять под хорошие зарплаты и страховые гарантии среди простых работяг. В США преимущественно. Да, были шан-

сы «зацепить» и союзных шпионов, но Меншиков не переживал – их и так было вдоволь. Толпой больше, толпой меньше – непринципиально. Руководство фронта другое волновало. Северный фронт заметно меньше Юго-Западного как по численности личного состава, так и по протяжённости. У него тупо было меньше ресурсов буквально по всем параметрам. А в сложившихся непростых политических условиях надеяться в операциях Ренненкампф мог только на своих ребят и свои силы. Как показала кампания 1915 года, «южане» легко могли подставить, в том числе под что-то совершенно самоубийственное. Так что он охотно прислушивался к советам своего юного друга, стараясь максимально повысить эффективность Северного фронта как в целом, так и удельно. Тем более что Максим не только советовал, но и помогал материально, подкидывая немало внештатных денег на разные нужды...

Меншиков пнул, проверяя надёжность креплений, одну из балок эрзац-моста. Довольно крякнул. И скопился на звук топоров. Чуть в стороне плотники завершали сооружать короб временного узла коммуникации. Туда сводились все

телефонные провода с передовой по этому сектору. Маркировались. И дальше уже вязаным пучком бежали к мосту, под которым и прокладывались. Короб узла сейчас доделают. Установят. Прикроют бревенчатыми перекрытиями и землёй, оставив доступ по узкому лазу из траншеи.

А на той стороне траншеи ставят такой же. Только вход с одного из изломов, чтобы снаряд при фронтальном обстреле не залетел случайно. Лишняя возня, конечно. Но мост – цель приоритетная. Его могут попытаться уничтожить. То есть близкими разрывами или даже точными попаданиями порвать провода. И как быть дальше? Гадать – какой куда идёт – в лихорадке боя? А их там целый пучок. Вот Максим заранее и продумал этот момент: соорудить своего рода «распаечные коробки», закрытые от обстрела, и работать уже с ними в случае необходимости...

Приближался рассвет. Поэтому наш герой тяжело вздохнул и отправился к своему автомобилю. Нужно было подготовиться и ему. Больше отсиживаться в штабном бункере не получится. Требовалось выступить ближе к противнику и держать руку на пульсе, чтобы в нужный момент пойти в отрыв. Да и избегать полевых войск в такой напряжённой обстановке – плохая стратегия. Войска должны чувствовать, что их командир с ними. Видеть его. Слышать. Наблюдать. Что он не прячется за их спины, за их жизни, их кровь и боль. Иррационально, конечно. Из штабного бункера, куда стекается много всякой полезной информации, можно командовать и лучше, и больше. Однако люди – существа иррациональные и нередко нуждаются в таких вот демонстрациях больше, чем в чём-то здравом и разумном. Иногда. И сейчас, судя по всему, был именно такой момент. А в деле, что наш герой задумал, люди очень важны. И особенно их доверие ему.

Где-то в стороне ухнули выстрелы. Это люди Ренненкампа на соседних участках обозначи-

ли вялую артподготовку, начав отрабатывать по целям, выявленным разведкой Меншикова. Северный фронт готовился к общему наступлению и только ждал отмашки. Поэтому Ренненкампа накопил в ключевых местах вагоны, и – Максим был уверен – туда уже грузили людей и материальную часть каких-нибудь стоящих в тылу фронта дивизий и полков. Дыру в обороне, что ковырял сейчас наш герой, требовалось расширять и углублять. И делать это как можно скорее и решительнее...

Ночь заканчивалась. Утро неудержимо рвалось вперёд, сжирая с чудовищной – прямо-таки хтонической – прожорливостью последние минуты и секунды благословенной темноты. Ночь всегда лучше дня. Ночью можно поспать... или хотя бы надеяться на это. Ночь полна свежести и прохлады. Да и вообще, Максиму нравилась ночь больше дня. Слишком яркий свет его раздражал. А сумрачного неба, затянутого тяжёлыми тучами, не ожидалось...

И вот – забрезжил рассвет.

Корректировщики, выдвинутые за ночь к германским позициям второго эшелона, уже успели выявить некоторые цели. Поэтому подтянувшиеся батареи 10-см гаубиц дали свои первые залпы. Эти новые артиллерийские позиции были тоже заранее продуманы и проработаны – во всяком случае, на бумаге. Так что действовать удавалось с них пусть не так точно да ловко, как по первому эшелону укреплений, но вполне себе эффективно и оперативно, без значимого перерасхода снарядов и износа стволов.

Акустические посты тоже продвинулись вперёд, вновь объединившись в единую сеть, сведения из которой обобщались в центре управления огнём. То есть во всё том же самом штабном бункере. Его переносить не стали. Да и не сумели бы за столь короткий промежуток времени.

Уже в войне тех лет штаб выступал главным нервом армии, без которого она ничто – просто сборище вооружённых людей. Ему, конечно, вполне позволительно свободно переезжать с места на место, болтаясь как говно в проруби. Но эффект от такого был бы, словно от мозга, который себя то в заднице обнаруживал, то под мышкой. То есть вроде есть, а толку никакого, одно лишь неудобство и расходы: ведь питательные соки он тянет в совершенно конских дозах.

Важнейшим моментом было ещё и то, что в данной ситуации ресурсов было крайне мало и требовалась предельно точная и деликатная работа. Поэтому штаб сидел крепко и неподвижно, протянув свои нервные окончания – телефонные линии – в самые опасные и горячие места. Да и с телеграфом почти что сросся, обмениваясь данными с тыловыми и смежными участками.

К сожалению, по ряду причин с собой этот штаб Максим забрать не мог. Ренненкампф не собирался отдавать и отпускать этот штаб в столь рискованное

дело. Он, видите ли, уже успел оценить то, КАК работает хороший штаб, и был в восторге от его возможностей.

Ничего даже близкого в Российской Императорской армии пока не существовало. Ни на Севе-

ре, ни на Юго-Западе. Поэтому он планировал на базе этого костяка развернуть новый штат штаба своего фронта. На его взгляд, это было важнее крепкого и излишне перекачанного аналитического звена в рейде. Намного важнее. И Меншиков это прекрасно понимал, как и то, что за всё нужно платить. За всё. Всегда. Пусть не сейчас, а завтра. Пусть не рублём, а услугой. Но платить нужно. Вот наш герой и оплачивал привлечение обширного количества прикомандированных из Северного фронта сил и с флота при самом деятельном посредничестве Ренненкампа. Без них он бы не справился. Без них бы его полк надорвал пупок и лёг почти весь на этих рубежах обороны...

В этот раз наступление началось по всем правилам – ранним утром. С первыми лучами солнца артиллерия открыла огонь по выявленным огневым точкам и узлам обороны. А штурмовики поползли в атаку.

В этот раз немцы попытались встретить их губительным стрелковым огнём из ручного огнестрельного оружия и пулемётов, в том числе и условно ручных, которые постоянно мигрировали вдоль фронта по траншеям. Так что штурмовики залегли, укрывшись от слишком плотного обстрела. Хотя у них и были стальные каски, да и штурмовые нагрудники, но помогало это мало против такого плотного огня. Тем более что винтовочная пуля обладала слишком большой энергией для надёжного экранирования такими тонкими скорлупками металла.

Поэтому пришлось на ходу импровизировать.

Максим велел выкатить на дистанцию двух километров все 37-мм Пом-Помы, которые у него имелись. То есть четыре штуки. И расстрелял по ленте – «в ту степь». Для устрашения и психологического воздействия. А потом вывел в поле броневые автомобили.

Сразу все, что имелись, чтобы массировать применение и обеспечить значимое, качественное превосходство. Пусть и локально. Тем более что их было не так

много, чтобы размазывать или эшелонировать этот импровизированный «бронетанковый» кулак.

Костяком выступали тяжёлые бронеавтомобили БАТ-1 «Витязь». Их проектировали и строили буквально на коленке в Штурмграде на заводе Stoewer на базе трофейных Daimler Marienfelde. Точнее, не на базе, а по мотивам.

Раму им удлиннили и усилили, водрузив на неё 70-сильный двигатель Stoewer, каких нашли больше полутора сотен на складах завода. Ну и возобновить выпуск по возможности. Их перед войной собирались пустить на выпуск серии спортивных автомобилей, но не срослось. Зато теперь вот пригодились. Так-то они были 100-сильные, но Меншиков велел их дефорсировать для повышения ресурса. Ну и изменить передаточные числа в коробке, чтобы компенсировать слишком большие обороты двигателя и поднять его тяговитость. Максимальная скорость при этом заметно снизилась, зато на тех скоростях, что остались, грузовик стал тянуть дай боже.

На удлинённую раму поставили второй задний мост с двухсторонним цепным приводом от первого. Конечно, не самый лучший вариант, но дешёво, быстро и вполне в моде тех лет. Ведь бо́льшая часть грузовиков Первой мировой имела не карданный, а именно цепной привод.

Не менее значимым моментом оказались и колёса. В моде в те годы были колёса узкие, со слабо развитым протектором покрышки и камерами высокого давления. Да и сами покрышки практиковались с совершенно архаичным расположением корда. Не говоря уже о весьма и весьма примитивных дисках, конструктивно очень близких к колёсам повозок, а нередко от них и применялись.

Максим сделал все диски стальными, штампованными, вполне современного вида. На оба задних моста поставил колёса парами, а не одиночно, чтобы увеличить площадь контакта и опоры. То есть оба задних моста несли не четыре колеса, а восемь. Плюс парочку – передний мост. Этакая «многоножка» в представлении местных, которые до того только машины с четырьмя колёсами и видели. Покрышки изготовил завод «Треугольник», сразу с хорошо развитым протектором «ёлочкой», мощными, жёсткими боковыми стенками и правильной ориентацией корда. Что позволило применить камеры низкого давления, резко повышающие проходимость по бездорожью. Управляемость, правда, на дорогах с твёрдым покрытием ухудшилась, но на таких скоростях это было не

принципиально.

Совокупно все эти меры позволили в кратчайшие сроки создать совершенно уникальную для эпохи тяжёлую колёсную платформу. На её базе и построены тяжёлые броневые автомобили (и не только они). Их компоновка в целом выдержана в духе так полюбившейся Максиму парадигме британских Lanchester, только доведенной до ума. Сварной бронекорпус выполнен из катаных 15-мм плит марганцевой стали. Однако в лобовой проекции и корпус, и башня имели усиление – экраны, крепящиеся на болтах и доводящие общую толщину броневой защиты до 30-мм. Что делало такой броневый автомобиль сложной целью для малокалиберных пушек тех лет.

Вооружение БАТ было представлено тремя основными типами. А-вариант нёс 75-мм «окуроч», П-вариант – тот самый укороченный и доведённый до ума 37-мм Рот-Рот. А К-вариант – спарку из крупнокалиберных пулемётов. Само собой – везде в довесок шёл лёгкий пулемёт основного калибра для самообороны, также установленный в башне. Тот самый доработанный Льюис с питанием из коробчатых магазинов. Но он был вспомогательным факультативом на всякий случай.

Крупнокалиберных пулемётов к моменту принятия решения об их установке ещё не существовало в железе никак. То есть вообще. Никто над ними даже не задумывался. Поэтому осенью 1915 года Максим обратился к Джону Браунингу с предложением довести до ума его старую модель 1895 года. Ничего монументального не требовалось. Нужно только заменить газоотводный узел с рычажного варианта на поршневой, как у ещё не созданного Marlin Rockwell M1918, и тупо отмасштабировать всё под патрон .505 Gibbs [9 - 505 Gibbs (12,83x80) разработан в 1910 году для охоты на крупного зверя и в 1911 году пошёл в серию. Развивает дульную энергию за 8 тысяч Дж. По своим габаритам и энергетическим характеристикам близок к .50 Vickers, но появился задолго до него. Мощность легко нарастить банальным увеличением навеса пороха, благо, что запас места в гильзе имелся.]. Благо этот патрон производился к 1915 году пусть и малыми, но сериями, и заказать его в нужном объёме на заводах США не представлялось проблемой. Особенно если платишь вперёд, а не обсуждаешь какие-нибудь мутные кредитные схемы с оплатой когда-нибудь потом... может быть...

Браунинг охотно взялся за заказ и уже в декабре 1915 года поставил первую партию пулемётов. Четыре штуки. Разных вариантов. Для испытаний. После

которых от бака с водой отказались в пользу конструкции с массивным, толстым стволом. Вот их-то на бронеавтомобили и начали ставить. Да и не только на них.

Эти «колёсные танки» поддерживали и лёгкие бронеавтомобили – БАЛ-1 «Новик», сделанные на базе американского полноприводного грузовика Jeffery Quad. Одного из первых в своём роде и весьма удачного. Его немного доработали, поставив унифицированные с тяжёлой платформой колёса. Да и в остальном он повторял концепцию компоновки и сварного корпуса своего старшего товарища. Только бронирование поуже – кругом 10-мм, детали же лобовой проекции – 15-мм,

но без экранов – единой плитой. Вооружение тоже представлено одним вариантом – станковым пулемётом MG-08 в лёгкой вращающейся башне.

Штурмовики отреагировали на появление бронетехники адекватно и оперативно. Как на учениях. Пропустили «броню» вперёд. А потом поднялись и пристроились за ними на «полусогнутых», то есть пригнувшись. Благо, что двигалась техника не быстро и непрерывно вела огонь на подавление, забывая немцев обратно в траншеи.

Появление на поле боя более семидесяти единиц бронетехники сыграло свою роль. Самую что ни на есть печальную для немцев. Они оказались не готовы отражать натиск. Им было просто нечем. Ни технически, ни психологически.

С одной стороны, такое массирование «железа» было им внове. Да ещё так плотно «долбящего» по ним из всех стволов. С другой стороны, открыто расположенная лёгкая и основная полевая артиллерия у них оказалась выбита. И вести огонь прямой наводкой из чего-то значимого им было нечем. Пулемёты основных калибров оказались бессильны против этой бронетехники. А немногочисленные лёгкие пехотные пушки не причиняли ей никакого вреда. «Окурки» 37-мм стволов Гочкиса не имели бронебойных снарядов, а стреляли дешёвыми чугунными фугасами, не способными пробить 15-мм катаной марганцевой стали. И начальная скорость ничтожна, и прочность материала. Да и не успевали они дел натворить, чтобы если и не пробить броню, то хотя бы обездвигать, лишив колёс. При столь значимой плотно-

сти огневых средств их подавляли быстрее, чем они успевали тявкнуть два-три раза. А иной раз ещё на стадии установки треноги. Немаловажную роль сыграли и штурмовики, которые, сблизившись при поддержке бронетехники на дистанцию действенного огня, окончательно пресекли все бесплодные попытки немцев обороняться...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Поливанов прекрасно справился с этой задачей всего за полгода с осени 1915-го по весну 1916 года в условиях фактической блокады (Турция перекрыла Чёрное море, Германия – Балтийское, а в Белом был лишь маленький порт Архангельск). В результате увеличился выпуск винтовок в 2 раза, пулемётов в 4 раза, патронов в 1,7 раза, орудий в 2 раза, снарядов более чем в 3 раза. Посредством модернизации казённых заводов и широкого привлечения частных мощностей. В этой ситуации было всё мягче, так как турки в войну вступили только в июне 1915 года.

2

Подробнее о доработанном пулемёте Льюиса можно почитать в приложении (лёгкий ручной пулемёт ЛРП-2).

3

Это не опечатка. Николай Второв, по версии Форбс, был обладателем самого большого состояния в России начала XX века. Для сравнения: по оценке большинства историков, вся Августейшая фамилия имела собственных средств на сумму от 12 до 15 миллионов рублей. Без учёта дворцовых комплексов, де-юре принадлежащих империи. То есть Николай Второв был где-то раз в пять богаче всей Августейшей фамилии вместе взятой, не говоря уже лично об Императоре – Николае Втором.

4

Елагин дворец был выдан Максиму и его супруге для проживания, но всё ещё оставался на балансе империи.

5

Курс рубля к марке 1 к 2,16. То есть 700 миллионов марок – это 324 миллиона рублей.

6

Максим переименовал Штеттин в Штормград, так как ему не понравилось неблагозвучное название города. Тем более что название этимологически восходило к древнему славянскому названию репейника и выглядело ещё неудачнее. Вот он и сделал себе приятно, переименовав столицу собственного Великого княжества.

7

Алексей Алексеевич Брусилов-младший прокомандовал полком РККА недолго. Попал в плен к «дроздовцам» и был повешен.

8

Патрон.25 Remington – это 6,54x52 в привычной нам классификации. На 7-граммовой пуле он давал 1744 Дж и около 710 м/с. То есть, по сути, представлял собой классический промежуточный патрон.

9

505 Gibbs (12,83x80) разработан в 1910 году для охоты на крупного зверя и в 1911 году пошёл в серию. Развивает дульную энергию за 8 тысяч Дж. По своим габаритам и энергетическим характеристикам близок к.50 Vickers, но появился задолго до него. Мощность легко нарастить банальным увеличением навеса пороха, благо, что запас места в гильзе имелся.

Купить: https://tellnovel.me/ru/lancov_mihail/bezumnyy-maks-polkovnik-imperii

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)